

Анна Стриковская

Неправильная женщина

Ненавижу электронную бабу, которая живет в моем мобильнике. Точнее, будильнике. «Время просыпаться, семь часов ровно...» Проснувшись, я люблю минут пятнадцать поваляться, а мерзкий голос настолько раздражает, что вскакиваю, как ошпаренная.

Я схватила будильник и бегом в комнату к дочери. Бросила ей на тумбочку под самое ухо, а сама скорей на кухню. И в этот момент снова раздался отвратный голос: «Время просыпаться... Семь часов одна минута...»

— Мама, ну сколько можно... Опять!!! — Катька завывала как пароходная сирена, но я уже была далеко.

Включила чайник, вытащила яйца, масло и сыр. Еще бы луку зеленого... Ну ладно. Нет его, так мы и репчатым обойдемся. Но надо уже в магазин ехать, все запасы пришли к концу.

Пока я на скорую руку сварганила омлет с луком, сыром и хлебушком, подтянулось младшее поколение. Я послала их чистить зубы, как двухлетних. Студенты уже, а про умывание приходится напоминать.

Сережка мог бы спать и спать, но еду ни за

что не пропустит. Катька к еде равнодушна, только кофе выпивает две больших кружки. А кофе надо чем-нибудь заедать, так почему не омлетом?

Так что как только я сняла сковороду с огня, оба как по команде появились с вилками в руках.

Накормив подрастающее поколение, я поплелась в ванную, умылась, намазалась кремом и тут только вспомнила, что могла бы вернуться в постель и продолжать спать с чистой совестью. Я же вчера с блеском защитила наш проект, сдала заказчику работу трех месяцев, и мой шеф разрешил мне отдыхать аж до понедельника!!! А я совсем забыла, кобыла замотанная!!!

Ну ладно, раз уж все равно встала, надо это как-то использовать. Например, сходить в парикмахерскую и подстричься, а то обросла как пугало огородное. Или пугала не обрастают?

У входных дверей слышалось шевеление и сопение. Надо идти проверить, что там происходит, и не забыла ли Катька что-нибудь важное. Оказывается, оба уже собрались и толкаются, надевая обувь.

— Так, Сереж, а ты куда? Тебе же, вроде, к десяти?

— Мам, я на тренировку... Я с Иваном договорился...

Хорошие дети, учатся, спортом занимаются, надо радоваться, а все равно тоскливо. У них своя жизнь, и место мамы в ней далеко не первое.

Выпроводив дочь в институт, а сына на тренировку, я надела, что попало, и поскакала в нашу парикмахерскую, надеясь, что мне повезет и Лида работает. Сколько раз я к ней записывалась заранее, а потом всегда оказывалось, что именно в это время у меня важная встреча с заказчиком, или еще что-нибудь. Пару раз я просто забывала... И теперь полагаюсь только на удачу.

* * *

Вообще-то, стоит рассказать, кто я такая. Зовут меня Надя, Надежда Николаевна Конопляникова. Я математик. Бывший. У нас теперь, кого ни спросишь, все бывшие кто-то. А в настоящем я бизнес-консультант и финансовый аналитик. Как дошла я до жизни такой, расскажу как-нибудь в другой раз. Лет мне немало, о чем можно догадаться хотя бы по тому, что дети мои уже студенты. И жизнь моя совершенно идиотская и неправильная, хотя сама я, по мнению окружающих, очень умная и правильная. Такая отличница с тяжелым «синдромом отличницы».

Отец мой, Николай Ефимович Конопляников, — известный в своих кругах профессор-генетик. Он всю жизнь трудился не в академических, а в медицинских сферах, поэтому академиком не стал. Лет ему много, но он все еще

работает: консультирует, пишет статьи и книги, и даже раз в неделю ездит на работу. С ним у меня всегда было полное взаимопонимание, которое с годами превратилось в дружбу равных. Мы друг с другом советуемся, поддерживаем и совместно обороняемся от атак моей мамы. Потому что первую скрипку в доме моих родителей играет она. И играет всегда «крещендо».

Маму мою зовут Наталья Михайловна. Как ее угораздило выйти за моего отца, «ботаника», отличника в очках, зануду-биолога остается тайной. Его понять можно: мама в молодости была чертовски хорошенькой, прелестной, изящной, необыкновенной. Она и сейчас, в свои семьдесят, очень даже ничего. Студентке консерватории по классу фортепиано даже встретиться негде было с моим отцом, они вращались в разных кругах. А вот встретились, поженились, и родилась я. Когда-то моя мама мечтала об исполнительской карьере, но случайная травма закрыла эту страницу навсегда. Мама до пенсии работала музыкальным редактором на радио, и считала свою жизнь неудавшейся.

Моя мама — это отдельная песня. В молодости она была звездой своего небосклона. Она и до сих пор прелестна, очаровательна, необыкновенна и т. д., и т. п., и пр... И все у нее должно быть таким же: необыкновенным. Я ее не устраивала. Скорее всего, ее не устраивала та

жизнь, на которую она считала себя обреченной. А я была воплощением этой жизни: серьезный ребенок-увалень, до самозабвения любящий читать книжки. Ни живости, ни грации, ни артистизма: никаких светских талантов я в детстве не проявляла.

Из меня надо было сделать что-то в высшей степени выдающееся любой ценой. Но приходилось работать с тем материалом, который имелся в наличии. Значит, не балерина, не музыкантша, не артистка и не художница. Остается наука. А ученый, в ее представлении, должен быть не от мира сего. Тем более ученый-женщина. Это существо априори бесполое, только такая может добиться успеха. И мне внушалось, что я некрасивая. До двадцати лет я была убеждена, что я кривая, корявая и убогая, на меня не может обратить внимание мало-мальски симпатичный парень. А если обращает, значит, заинтересован в нашей квартире, машине, даче или поддержке моего отца.

Я и сейчас, в мои «после сорока», очень даже ничего, а в семнадцать была просто хорошенькой девушкой. Но смотреть на себя беспристрастно не могла, и утешалась тем, что разумом я превосхожу любую красотку. Я и не догадывалась, что больна на всю голову. Мне почему-то казалось, что только я умная, остальные — дураки.

Как я при этих условиях все-таки вышла замуж и родила детей, до сих пор загадка. А вот то, что развелась и уже много лет одна — это закономерность.

* * *

Лида работала. Обругала меня, что я не удосужилась позвонить, но в кресло посадила. Я расслабилась в ее ловких руках, почти задремала. Не люблю следить за процессом, лучше сразу увидеть результат. И тут раздался марш Радецкого. Шеф. Я горько пожалела, что не оставила мобильник дома.

— Золото мое, ты на работу не подъедешь?

— Ты не забыл, что отпустил меня до понедельника?

— Да помню, помню, но клиент может с нами встретиться только сегодня.

— После обеда.

— А пораньше?

— Я сказала: после обеда. Назначай на три часа.

— Но она нам уже назначила на 12!!!

Она... Обычно клиентка хуже клиента. Если судить по голосу моего шефа, эта клиентка хуже как минимум в сто тысяч раз. Но я знаю тайну — если такую бабу сразу не поставишь на место,

работать с ней невозможно. А если поставишь — все в порядке. Но делать это нужно в первый же момент.

— Ничего, позвони и передоговорись на три, — шефа тоже надо время от времени ставить на место.

Я работаю в консалтинговой фирме. Она небольшая, но успешная. И существуем мы уже шестой год. Шеф — гений! Гений-продажник. Он умеет находить заказы там, где, кажется, ничего такого никогда и не было. Это в нашей сфере основное.

Ну а мое дело начинается, когда клиент у нас в кармане. Кроме меня в нашей конторе работают четыре постоянных сотрудника, еще есть ребята на подряде, человек десять, и секретарша. Ну и шеф, разумеется.

Шеф ведет светский образ жизни: презентации, выставки, конференции, фитнес-центры, закрытые клубы и т. д. Там он ловит своих клиентов. Мы работаем хорошо, нас рекомендуют своим друзьям и партнерам. Но чтобы рекомендовали, чтоб не забывали, надо постоянно мелькать. Вот он и мелькает.

Я исключительно кабинетный работник и ненавижу все эти тусовки. Но именно меня шеф продает. Мою работу. Поэтому, как ценный товар, могу иногда и покататься.

Через десять минут шеф перезвонил и сообщил неприятным голосом, что встреча в четыре, а в три он за мной заедет. Отлично. Значит, встреча на территории заказчика. Интересно будет посмотреть на эту рыбку в ее естественных, так сказать, условиях.

А шеф пусть пока злится. Когда мы начнем работать, он первый будет мне жаловаться на вредную тетеньку.

Сам заедет и отвезет — тоже неплохо. Если с дамочкой все сладится, то после встречи он повезет меня в Якиторию отметить это дело, будет кормить суши и поить нефильтрованным пивом. Я это обожаю.

Я у него работаю практически с основания фирмы. А знаю всю жизнь. Мы учились вместе в одном очень непростом ВУЗе, на факультете, где девочек и вообще-то мало, а на нашем курсе я и вовсе была одна. Тогда он назывался Андрюхой и учился так себе. На троечку. Зато был большой деятель комитета комсомола. А я училась отлично, увлекалась наукой, общественной работой голову себе не забивала. Зря, оказывается. На этой самой комсомольской работе он создал связи, которые ему оченьгодились, и наработал коммуникативные навыки, которыегодились еще больше. Теперь он начальник, хозяин жизни, так сказать, а я на него ишачу.

Познакомились мы на заседании студенческого научного общества. Я делала сообщение, а он болтался там от комитета комсомола. Я выступила, села и оказалась рядом с ним. Судя по всему, он ничего не понял из моего доклада, но оценил мои ноги и грудь и начал активно со мной знакомиться как с девушкой.

Для меня это был шок. Несмотря на девятнадцать полных лет и выдающиеся математические способности, я наивностью, глупостью и незрелостью могла поспорить с десятилетней крошкой.

И эти качества культивировались моей мамой как сугубо положительные. Мне с детства внушалось, что я некрасива, но очень умна, и, следовательно, моя судьба — наука. Любовь не для меня. Мне бы в зеркало на себя посмотреть. Но я видела только то, во что свято верила. Читала романы, набитые любовью по маковку, и понимала, что со мной ничего похожего произойти просто не может. Развязки в виде свадьбы мне были вообще смешны. На уроках литературы мне легче было рассказать про «роман «Евгений Онегин» как энциклопедию русской жизни», чем про любовь Татьяны.

Ну ясно, что любовь — для красавиц. А для меня — высокое духовное и интеллектуальное общение.

Нельзя сказать, что я не знала, как дети рождаются, но почему-то казалось, что ко мне это не может иметь никакого отношения. Я была «умненькой девочкой» для взрослых и «своим парнем» для ребят, с которыми училась. А по сути была совершенным ребенком, не готовым к тому, что во мне увидят женщину.

Еще более я была не готова увидеть женщину сама в себе. Реакция Андрея на мои внешние данные вызвала такую волну протеста, что он отстал от меня на многие годы. Ну, надо себе представить: парень идет провожать понравившуюся девушку, а она то молчит, как пень, то несет какую-то чушь. При попытке же просто приобнять ее за плечи, она вырывается, вскакивает в первый попавший автобус и уезжает в неизвестном направлении. Естественно, уехала я тогда в какую-то дыру, из которой с трудом выбралась, и потом всю ночь редела.

Если бы я его тогда не оттолкнула с такой горячностью, может быть, моя жизнь повернулась иначе. Или если бы он проявил хоть каплю настойчивости. Но зачем ему, любимцу красавиц, комсомолок, спортсменов, тратить время на такую беспросветную дуру?! Он оставил меня в покое, и был по-своему прав.

* * *

Мои математические способности проявились ярко еще в школе, как только от ненавистной арифметики мы перешли к изучению алгебры. Моя первая учительница охарактеризовала меня математичке как очень тупую и неспособную к ее предмету. Об этом математичка сообщила мне по секрету на выпускном. Она меня обожала, но, как настоящая учительница, старалась этого не показывать. Грузила меня специальными заданиями, выискивала задачки посложнее, посылала на все олимпиады, и была со мной крайне сурова.

Результатом стало то, что при поступлении я с легкостью решила свой вариант, так и не поняв, почему все утверждают, что в этом году задание особенно трудное.

Устную математику я сдала на четыре, чему сама удивилась: рассчитывала не больше чем на тройку.

Физика и сочинение тоже не доставили трудностей. Прошла на ура.

Трудно оказалось учиться на младших курсах. Наши юные гении вылетали в сессию на двойки. А у меня к неплохой голове есть крепкая попа, она и вытянула. На четвертом и пятом курсах я уже не мучилась, а получала удовольствие. Увлекалась численными методами, по ним делала диплом.

Женское свойство моих мозгов проявилось в том, что я выбрала именно такую тему, которая имела прикладное значение. Лавры гениального Перельмана, решившего задачу Пуанкаре, мне не светили никогда. Но наши профессора не делали мне скидку на то, что я девочка. Я этим гордилась.

Потом поступила в аспирантуру, и через три года успешно защитилась все по тем же численным методам. И тут как раз грянул 91 год. Уважаемые научные работники перестали получать зарплату. Что-то, конечно, платили, но купить на эти деньги уже ничего нельзя было. А у меня к этому времени образовалась семья: муж и двое детей. Мужа я нашла на курорте. Вернее, он меня нашел. Уникальный случай, обычно курортные романы обрываются, стоит их участникам покинуть райские кущи на берегу моря.

А со мной произошло все в точности наоборот. После диплома родители меня послали в Гурзуф, в знаменитый «Коровник», дом творчества Союза Художников, по горячей профсоюзной путевке, которую где-то выцарапала моя тетка, работник худфонда. На пляже ко мне подсел парень, оказалось — художник. Парень был высокий, красивый и очень активный. Он стал за мной ухаживать, рисовал мои портреты, не отходил ни на шаг... В конце концов я поверила, что это большая любовь. А он обалдел от того, что я

оказалась девственницей. Из Гурзуфа мы приехали вместе. Родители чуть с ума не сошли, когда выяснилось, что я беременна. Роман просил моей руки, из-под Кургана приехала его мать, счастливая тем, что мальчик подцепил москвичку из хорошей семьи, и в результате мы поженились без особой помпы...

Катюшку я родила в аспирантуре, а Сережку — следом. Спасибо Роману, дети получились красивые и здоровые. Как потом выяснилось, еще и очень неглупые.

Я мучилась, как многие в те времена. Работала, училась, рожала, сдавала, кормила — все вместе. Родители выбили нам квартиру, куда в результате сами и уехали. От Ромы на первых порах пользы было немного, но, когда появились Арбат и вернисаж в Измайлово, он начал неплохо зарабатывать. И в 91 году я не страдала от безденежья, хотя моей зарплаты стало хватать только на проезд.

А в 92 году все изменилось. У Романа начался «творческий кризис». Его картины не продавались, заказов не стало, он лежал на диване и смотрел часами телевизор.

В результате у меня была степень кандидата наук, двое детей, муж в депрессии и никаких источников дохода. И тут, как всегда, помог случай. На улице встретился бывший соученик и

посоветовал обратиться по поводу работы в банк. Там, мол, нужны математики. Я пошла, прошла конкурс, и меня взяли в отдел финансовой аналитики. Мой математический диплом и степень произвели ошеломляющее впечатление. Сразу стали двигать по служебной лестнице. Через год послали в Америку на учебу, сначала на месяц, а потом на полгода. Я была в ужасе: оторваться на полгода от семьи, от детей мне казалось невыносимым. Но тут мне помог отец. Он нейтрализовал мою мамочку и сговорился с моей свекровью. Она приехала из своей Тьмутаракани, поселилась в нашей квартире и взяла детей на себя. Все мои жалкие доводы отпали. Надо ехать, и точка. Я поехала.

Эти полгода в Штатах я вспоминаю как лучшее время моей жизни. Снова окунулась в атмосферу студенчества, почувствовала себя юной и беззаботной. Причем гораздо более беззаботной, чем была в юности. Нас поселили в университетском городке, и это еще усиливало впечатление. Мне все там нравилось, и я была бы абсолютно счастлива, если бы не скучала так по детям.

Конечно, приходилось очень много заниматься, но к этому-то я привыкла. Тем более что математика, которая для учащихся представляла наибольшую трудность, в финансовой

аналитике самая примитивная. Опять я была лучшей студенткой, не прилагая к этому особых усилий. Там у меня даже завязался роман с куратором нашей группы. Джейсон был очень симпатичный, веселый, нравился мне... Но все ограничилось совместным питьем кофе в студенческой столовой, да пару раз мы выезжали на пикник к океану. Все его домогательства я отвергала. Как же, ведь я примерная жена и преданная мать! Когда, защитив что-то вроде диплома, я уезжала, Джейсон со слезами на глазах уговаривал меня остаться. Предлагал помочь с работой и с тем, чтобы перевезти сюда детей. Я гордо отказалась. Потом долго жалела...

В Москве меня ждали моя работа и мои дети. А мой муж меня не ждал совершенно, потому что за эти полгода нашел себе девушку, к которой и ушел жить. Девушка эта была красива, молода, и ничего от него не требовала. Свекровь встретила меня как родную дочь, облила слезами и рассказала эту кровавую историю. Я поблагодарила ее за помощь, надарила ей подарков, купила билет домой и подала на развод. Развели нас быстро и без затруднений. После чего я погрузилась в работу, которая, как известно, помогает отвлечься и все забыть. На работе все было великолепно, я росла по службе, мои заработки увеличивались день ото дня. Я сделала ремонт в квартире, купила новую мебель,

машину, выучилась ее водить. Даже смогла в самый критический момент нанять гувернантку, с которой очень подружилась. В общем, я преуспевала, как могла. Дети росли, учились, радовали и огорчали.

И тут наш банк решил включиться в пирамиду ГКО. Я все просчитала и подала аналитическую записку: делать этого не надо ни в коем случае. Но меня не послушали, потому что жадность наших учредителей бежала далеко впереди разума. Как, впрочем, и у всех в стране. Грянул август 98 года. Меня, как Кассандру, уволили одной из первых. Работы не было, везде только увольняли. Мои честно заработанные деньги на счетах были заблокированы, и прошло много времени, прежде чем я сумела выцарапать хоть часть. Два года я перебивалась с хлеба на квас, пробавлялась репетиторством и написанием дипломных работ.

* * *

На эти тяжелые годы выпало для меня большое счастье и ужасное несчастье. Я встретила свою любовь.

Произошло это на строительном рынке. За зиму на даче сломалось крылечко, просто сгнило, и пришлось отправиться за доской для ступеньки и балясинами для перил. Доски и балясник я купила, но с рынка так сразу не ушла. Ходила, смотрела,

приценивалась, прикидывая, во сколько мне обойдется ремонт кухни. В одном трейлере продавалась очень симпатичная недорогая плитка. Я подошла посмотреть поближе. А затем стала отступать, желая оценить, как она будет выглядеть издали. И, зацепившись ногой за грудку досок, грохнулась.

Откуда ни возьмись, ко мне подбежал высокий человек. И первым делом заорал: «Смотри, куда идешь!». Мило, конечно, мог бы выдать редакцию «Куда прешь?» Я вежливо возразила, что на спине у меня глаз нет. «Ну, кто же ходит спиной вперед?» — спросил он уже не так грозно. Я хотела с достоинством что-то сказать, и вдруг до меня дошло, что спиной вперед и впрямь хожу только я. Меня разобрал такой смех, что я снова завалилась на доски.

Высокий человек посмеялся вместе со мной, потом помог мне подняться и стал настойчиво спрашивать: «С вами все в порядке? Вы не ушиблись?» Я, конечно, ушиблась, но сказала, что нет. И стала потихоньку удаляться от места происшествия. Но, оказывается, от ушиба как следует ходить не могла, убого заковыляла. Тот самый человек меня догнал, остановил и сказал:

— Вы ушиблись, я же вижу. Вам надо посидеть. Станет полегче, и я Вас провожу. Вы на чем приехали?

Мне эта забота показалась сомнительной. Я тогда вообще не ждала от жизни ничего хорошего. Поэтому, хоть и ответила, но не слишком любезно.

— На машине. А почему Вы так обо мне беспокоитесь?

— Ну как же! Вы же об мои дрова ударились. Я навалил их на проходе, Вы и споткнулись.

Я просто обалдела. В 99 % из ста меня бы стали ругать, за то, что я, растяпа, потревожила их драгоценные доски. И, вместо помощи, получила бы полную порцию брани. А тут такая непонятная, но приятная любезность. Поэтому я дала довести себя до ближайшей кафешки под открытым небом.

Усадив меня за столик, этот странный человек взял мне и себе кофе и сел напротив. Тут я его разглядела. Симпатичный. Высокий, худой, явно старше меня лет на десять. Веселые карие глаза и чудесная улыбка.

Он представился:

— Алексей. Алексей Дмитриевич Истомин.

— Надежда. Надежда Николаевна Коноплянникова, — ответила я симметрично. Он засмеялся, и взял инициативу разговора в свои руки. Рассказал, что он строитель и архитектор. У него своя маленькая фирма, он проектирует и строит богатым людям деревянные дома. И сейчас как раз занимался закупкой материалов. Я заволновалась: отобранный товар остался

брошенным прямо на земле. Но Алексей меня успокоил: он здесь не один. Сейчас его рабочие подгонят машину и все погрузят. Через пять минут разговора я уже не чувствовала неловкости, мы болтали так, как будто знали друг друга с детства. Мы сидели почти час, пока моя нога не почувствовала себя лучше, а потом он проводил меня до машины и попросил телефон. Якобы, чтобы справиться о моей ноге. Я дала, и потом несколько дней с трепетом ждала звонка.

Позвонил он только через две недели. Пригласил погулять в Филевском парке. Я согласилась, с этого все и началось. После прогулки мы не смогли почему-то найти кафе, в котором посидеть, и он отвез меня к себе. Поужинать.

А после ужина обнял, поцеловал, и произошло то, чего я сама не ожидала. У меня, по современному выражению, «крышу сорвало». Это была самая настоящая страсть, на которую я считала себя неспособной. Как выяснилось, с Алексеем произошло то же самое.

Домой я вернулась только на третий день. И то, только потому, что нужно было провести занятие с учеником. Хорошо, дети, по летнему времени, были на даче с бабушкой и дедушкой.

Мы стали встречаться чуть не каждый день. Правда, время от времени Алексею приходилось уезжать на стройку на неделю, а то и на две. Но

когда он был в Москве, мы почти не разлучались. Он был старше меня на десять лет, успел стать дедушкой, но я воспринимала его как ровесника, да и он не настаивал на старшинстве. Зато научил меня многому. Любить себя, не бояться собственного тела, расслабляться, получать удовольствие от самых простых вещей и не стыдиться этого... а еще выключать голову и включать ее по ситуации. У меня как-то сами собой прошли комплексы, вдолбленные с детства маминым воспитанием. В результате мне удалось наладить с ней вполне приемлемые отношения.

Через полтора месяца я познакомила его с моей семьей. Он всех очаровал. Подружился с моим отцом, сумел найти общий язык с мамой, причем гораздо лучше, чем я сама, а с Сережкой они просто стали не разлей вода. Ходили вместе на пруд, ловили рыбу, починили крылечко и поставили на крышу телевизионную антенну. Единственная, кто долго не принимал Лешу, была Катька. Но и она через какое-то время была побеждена его обаянием. Целый год мы жили с ним на два дома. Две ночи в неделю я проводила в его квартире, субботу мы посвящали прогулкам и походам в увеселительные заведения с детьми, а в остальное время приходилось существовать порознь, созваниваясь по три раза на дню. Выдержать такой режим непросто. К следующему лету Леша заговорил о

том, что пора уже жить вместе всей семьей. Тем более, что в течение этого года он нас практически содержал. Вообще, Леша был очень толковый и практичный, я была за ним, как за каменной стеной. За лето он должен был заработать на то, чтобы превратить его двушку и мою трешку в четырехкомнатную квартиру для нас и две однокомнатные для детей, чтобы им, когда вырастут, было куда съехать.

Ради этого он взял заказов больше, чем обычно. И в это лето мы проводили вместе гораздо меньше времени. Но в июле он сказал, что цель близка. К октябрю он закончит все дела, получит деньги, мы поженимся и займемся обменом и покупкой квартир.

В начале августа я встретила с Андреем, моим актуальным шефом, и он предложил мне работу. Об этом я еще расскажу, но потом, это другая история. Главное то, что я поверила: черная полоса закончилась, меня ждет замечательная жизнь: любимый мужчина, хорошая работа, здоровые и умные дети, дом — полная чаша.

А в конце сентября Алексей не приехал с объекта. Я ждала его всю ночь, не смыкая глаз, а под утро, когда, обессилив, уснула, раздался телефонный звонок. Звонил хозяин дачи, которую Леша строил. Они в честь окончания работ пошли в баню, выпили, и у моего любимого случился

инфаркт. Его повезли в соседний город Рузу к врачу, но не довезли, по дороге он скончался.

В этот момент моя счастливая жизнь кончилась. Спасло меня, как ни странно, то, что я не была Лешинной законной женой и не имела никаких прав на его имущество. Поэтому расслабляться, отдаваясь горю, я не могла: детей бы стало нечем кормить. Наоборот, я с макушкой погрузилась в работу. А мой, тогда еще новый, шеф, чувствуя ситуацию, подваливал сложные задания, полностью занимавшие мой ум и не оставлявшие места для страданий и переживаний.

***.

В три часа я вышла из подъезда — машина уже ждала. Молодец, вовремя приехал. Вообще-то для шефа опоздать часа на полтора-два — плевое дело. Для него понятие «время» очень относительное. Зато я омерзительно пунктуальна, и за годы нашего сотрудничества приучила его не опаздывать.

— Куда же мы едем?

— Нам назначили встречу в Якитории. Будешь есть твои любимые суши.

Неплохо, значит, попьем пива по ходу дела.

— А почему не в офисе заказчика?

— Если бы ты утром соизволила выйти из парикмахерской, то встреча была бы у нас в офисе.

— Я надеюсь, ты не нарочно сказал эту глупость. Обычно заказчик принимает у себя. Если он этого избегает, о чем такое поведение говорит?

— О чем?

Я замолчала и сделала вид, что глубоко задумалась. Может и ни о чем, но мне надо, чтобы шеф на встрече не расслаблялся, был настороже. Когда я думаю, он ко мне не пристаёт: уважает мыслительный процесс.

В ресторане нам указали столик, за которым сидела девица умопомрачительной красоты. Неужели это наша заказчица? Так директор компании выглядеть просто не может. Она поднялась нам навстречу.

Шеф поцеловал ей ручку и представил меня:

— Лариса Юрьевна, разрешите мне представить Вам нашего гениального аналитика Надежду Николаевну. Она будет с Вами работать.

Девица была ослепительна. Любая топ-модель. отдыхает. Ноги, которые никогда не кончаются. Длинные каштановые волосы искусно мелированы, глаза цвета спелого лесного ореха с разрезом как у серны, на красиво очерченных губах естественный блеск. Нежная и удивительная, цветок душистых прерий. Одета скромно и элегантно: зелененький шелковый костюмчик, розовая блузочка, шарфик в тон костюму, и такие же сапоги выше колен.

На розовых губках выражение обиженного ребенка.

Я улыбнулась красотке, поздоровалась и села за стол. Заказала себе роллы и нефильТРованное пиво. Шеф аж покраснел. Он тоже любит пиво, но за рулем себе не позволяет. А тем более в присутствии заказчика.

Красавица открыла свой ротик и тягучим голосом произнесла:

— Надежда Николаевна, мне сказали, что только Вы сможете мне помочь.

— Кто, если не секрет?

— Наш с Вами общий знакомый, Гриша Листвянский.

Я глянула на шефа — он вытаращил глаза. Следовательно, не в курсе.

— Григорий Константинович? — надо задать дистанцию. Барышня играет на разнице в возрасте, прием называется «мать и дитя». Только мне такое, с позволения сказать, дитя даром не нужно.

Кстати, вышеупомянутый Листвянский мне в отцы годится. Надо с ним созвониться и выяснить, что за чудо природы он нам подсунул.

— Он самый. Он сказал, что Вы его просто спасли.

— Григорий Константинович несколько преувеличивает.

— Пожалуйста, не надо! Если он сказал,

значит, так оно и есть, — голосок дрожит, в нем чувствуется слеза. Такая клиентка рассчитывает, что ты для нее выложишься без остатка, а заплатить может с легкостью забыть. А шеф цветет: его сотрудницей восхищаются, реноме его фирмы растет. А уж от красоты этой дамы он просто тает. И не пихнешь его в бок, мол, берегись, акула плывет.

— Не стоит об этом, Лариса Юрьевна. Расскажите лучше, чем мы можем Вам помочь.

— У меня фирма. Ландшафтный дизайн, называется «Флора де Люкс», может, Вы слышали?

— Мимо Вашей рекламы я езжу на дачу.

Посмотрела на шефа: вот так! Я и неподготовленная лицом в грязь не ударю.

— Ну, мы существуем уже давно, с девяносто девятого года. Сначала развивались нормально, а в последнее время сплошные проблемы.

Девочка насмотрелась телевизора. Там тоже нет ни неприятностей, ни сложностей, ни убытков, одни проблемы. И сколько ей лет, если фирма существует уже так давно? Или... когда она села в директорское кресло?

— Мне нужно, чтобы Вы определили, что мы делаем не так. Как перестроить бизнес, чтобы он снова стал успешным.

— И Вы решили обратиться в консалтинговую компанию? У Вас передовой

подход к решению проблем.

— Ну, мне посоветовали..., ведь Вы действительно помогли... господину Листвянскому?

— Вы знаете, те наши клиенты, которые рискнули последовать нашим рекомендациям, все нам благодарны. Господин Листвянский рискнул, и, как видите, не жалеет. Но хочу Вас предупредить: мы не отвечаем за результат. Если наши рекомендации Вы почему-либо найдете неприемлемыми, или не захотите им следовать, то...

Шеф толкнул меня ногой под столом. Пусть не толкается, клиенту сказать это необходимо. Правда, обычно я выбираю более мягкую форму. Но эта красавица меня раздражала. Не знаю чем. Клиенты бывают самые разные, многих я в свой дом не пустила бы, и не наняла бы даже полы мыть. На их фоне Лариса Юрьевна смотрелась вполне прилично, а вот поди ж ты!

Шеф вступил, не желая, чтобы я напугала клиентку до заключения договора.

— Надежда Николаевна хочет Вам объяснить принцип работы консалтинговой фирмы.

— Спасибо, Андрей Викторович, именно это я и хочу сделать. Прежде чем Вы заключите с нами договор, я хочу объяснить, как мы работаем.

Девица сделала заинтересованное лицо. Если

она с таким выражением слушает, что говорят мужчины... Такая фальшь... Понятно, что меня раздражало. А ведь сейчас ей действительно стоит внимательно послушать: не кобель хвостом перед ней метет, а решается вопрос, в котором она кровно заинтересована. Интересно, о чем она думает? Или старается произвести впечатление на шефа? Просто так, по инерции?

— Рассказываю. Вы заключаете договор на оказание консалтинговых услуг вот ... — с Андреем Викторовичем. И вносите предоплату.

— Сколько?

— Это Вы обсудите с Андреем Викторовичем тет-а-тет. Меня это не касается. А вот после этого я прихожу к Вам и начинаю работать. Мы с Вами определяем вопросы, на которые мне нужно ответить, я сообщаю, какая информация мне понадобится. Возможно, придется применять опросы, проводить маркетинговые исследования, я пока не знаю. Они оплачиваются отдельно.

Девушка вскинулась, но промолчала.

— Когда я соберу необходимую информацию, я ее обработаю.

— Как?

— Математически. У меня свои методики. А потом представлю Вам результаты. И Вы как на ладони увидите, где у Вас тонкие места, где утекают деньги, куда нужно вложиться, а от чего,

наоборот, отказаться. После этого моя работа закончена. Вы оплачиваете второй счет. А я передаю Вам мои результаты и рекомендации.

— И что дальше?

— Дальше Вы решаете, следовать им, или нет. Мы не маги, не колдуны. За то, что будет с Вашей фирмой, мы ответственности не несем. Но поверьте, те, кто последовал, об этом не жалеют.

— А были те, кто не последовал?

— Естественно. Они считают, что выбросили деньги на ветер, и я с ними согласна. Если не следовать полученным рекомендациям, то зачем их вообще заказывать?

— Со слов, — она запнулась, — господина Листвянского я это себе несколько иначе представляла. Мне нужно подумать.

— Подумайте, Лариса Юрьевна. Если наши услуги Вам интересны, то Андрей Викторович обсудит с Вами условия в любую минуту.

Я допила пиво и отправила в рот последний ролл. Все, встреча закончена. То есть моя часть закончена. Пусть теперь шеф парится. Я извинилась и ушла в туалет.

Когда вернулась, официант уже принес сдачу. Все правильно, мы уходим.

У входа я нарочно задержалась, чтобы глянуть на автомобиль красоты. Новенькая Porsche Cayenne. Не хило! Люди на таких машинах в

Якиторию не ездят. Ауди моего шефа не смотрелась на фоне этого зверя. Лариса последний раз улыбнулась нам, села в машину, сорвалась с места и улетела.

— Ну ты чертовка! Затоптала девушку! И почему, если те же самые слова ты говоришь мужикам, они как-то по-другому звучат?

— Что стряслось, шеф? По-моему, встреча прошла нормально.

— Нормально, если не считать, что я чувствовал себя дураком. И я совсем не уверен, что она будет с нами работать.

— Не все ли равно?

— Ну, у нас не так много заказов, чтобы ими разбрасываться.

— Ты еще не понял, что эта дамочка — ходячий геморрой? С нее станется не заплатить, она привыкла, что все ей дается даром.

— Ну, ты ее додавишь. Она на тебя смотрела, как кролик на удава.

— Да? Не заметила, — а про себя я порадовалась. Внушила девице должное уважение, — ладно, вези меня домой, я устала... И до понедельника — как договаривались. Меня нет!

Очень я надеялась, что эта Лариса Юрьевна до понедельника передумает.

Кстати, на всякий случай надо будет звякнуть Листвянскому, узнать, откуда такая штука

ВЫСКОЧИЛА.

* * *

Григорий Константинович Листвянский — наш с Андрюшей первый клиент. Первый клиент — как первая любовь. Такое не забывается. Я тогда еще не работала на Андрея, да и вообще после дефолта ходила без работы. Перебивалась с хлеба на квас, делая расчеты дипломникам, подрабатывала репетиторством, и чувствовала свою глобальную не востребованность.

И совершенно случайно встретила на рынке Андрюху. Как сейчас помню, у лотка с зеленью. Он меня узнал, обрадовался, затащил в ближайшую забегаловку и напоил кофе.

Как водится, моими делами особо не интересовался, а живописал мне свои трудности. Оказывается, все последние годы терся он на рынке, посредничая своим знакомым и их компаниям. Что-то продавал, что-то покупал. И наконец организовал свое собственное дело, консалтинговую фирму, под свои связи и одного приятеля, который приехал из Штатов, получив там супер-пупер бизнес-образование.

И по знакомству нашел первого клиента.

До этого все было гладко, а вот тут и застопорилось. Когда клиент осветил им свое

положение и обстоятельства дела, стало ясно: чтобы в этом разобраться, американского образования не хватает. Они до сих пор не придумали, с какой стороны подступаться.

Я внимательно выслушала все, что он счел возможным мне рассказать, и высказала свое мнение. К анализу проблемы заказчика надо применить численные методы. Тогда, возможно, станет ясно, где течь. Какие? Сначала нужны подробности, а там я, возможно, придумаю, что к чему... И намекнула, что у меня тоже есть кое-какое американское образование в области финансовой аналитики.

Андрюха обрадовался, как ребенок. И предложил мне работу. То есть не сразу работу... Он предложил попробовать применить мои любимые численные методы в этом деле. За разумные деньги. При успехе я могла рассчитывать на постоянную работу за постоянную зарплату плюс проценты с проектов. Ударили по рукам, и на моих глазах Андрей договорился с клиентом о встрече.

На другой день встреча состоялась в офисе Листвянского. Андрей меня ему представил, и я пожалела, что надела блузку на пуговичках: клиент определенно пялился на мой бюст, не вслушиваясь в слова. Сразу назвал меня Наденькой, хотя я представилась Надеждой Николаевной, после чего

попросил звать его Гришей. Ну вот еще, Гриша нашелся! Ему и тогда было под шестьдесят, старому дамскому угоднику...

Я поставила его на место. Сказала, что очень ценю его хорошее отношение, но предпочитаю более формальное обращение. По имени-отчеству и на Вы. Иначе, по моему мнению, конструктивная работа невозможна.

Тогда сделала это неосознанно, а теперь понимаю, что только так и надо.

Короче говоря, за три месяца я полностью разобралась в делах фирмы Григория Константиновича, нашла узкие места, определила течь, предложила перестановку основных работников, и сформулировала целую стратегию реорганизации. Сколько сил я на это утратила, передать невозможно. Пришлось освоить по книгам практически все то, что изучил наш супер-американский специалист, а еще российское налоговое законодательство, маркетинг, бухучет и еще кое-что... Ничего, разобралась, составила таблицы, диаграммы, графики и все прояснилось.

Результаты я представила Листвянскому. Надо отдать ему должное, он все мои рекомендации свято выполнил, несмотря на собственные сомнения. Бизнес его сначала выправился, потом расширился, и теперь, через пять лет, я все еще горжусь этим проектом.

А он с тех пор числится моим поклонником. Букеты на все праздники, два раза в год приглашения на их корпоративные пьянки, время от времени билеты на концерты, и раз в сезон посиделки в каком-нибудь джаз-клубе... Мне целуют ручку... И регулярно намекают, что все это может иметь вполне определенное продолжение. Но я все еще называюсь Надеждой Николаевной, не иду на сближение. Держу дистанцию, так как очень не люблю, когда посторонние мужчины хватают меня за грудь. Наверное, в глазах людей я выгляжу полной дурой. Григорий Константинович, несмотря на возраст, отлично выглядит, в хорошей форме, денег немерено... Как сказала бы моя дочь, «перспективный кадр». Вокруг него всегда выются юные красавицы, желающие окрутить богатого папика. А я упираюсь, хотя он регулярно предлагает мне перейти на менее официальную платформу. Но я его не хочу. Ничто во мне не вздрагивает, когда он берет меня за руку, чтобы ее поцеловать. Если бы хоть что-то шевельнулось, я бы не стала валять дурака. В конце концов, он уже бывший клиент, с рабочей этикой все в порядке. Я свободная женщина, на свете нет мужчины, перед которым у меня были бы хоть какие-то обязательства. Но тут я твердо держу дистанцию, наверное, просто потому, что мне так больше нравится.

Сейчас Листвянский просто друг нашей компании. Иногда я делаю для Григория Константиновича какие-то мелкие расчеты как бы от себя лично. Андрей в курсе, но он не стремится наложить лапу на эти денежки. Гриша ему нужен для другого: он регулярно поставляет нам клиентов.

Да, надо ему позвонить и выспросить про эту Ларису.

Но позвонить удалось нескоро. Дети пришли из своих учебных заведений, пришлось их кормить и выслушивать по очереди. Потом Сережка засел играть на компьютере, а Катерина побежала к подруге. Я утащила телефонную трубку в ванную, налила себе горячей воды, напустила пены, забралась туда и набрала номер. Так и польза для здоровья, и никто не подслушает.

— Григорий Константинович? — сказала я, как только услышала его бархатное «Аллё!»

— Надежда Николаевна, дорогая, как я рад слышать Ваш голос... Какое чудо заставило Вас набрать мой номер? — ну да, со времен нашего проекта я ему сама не звонила.

— Григорий Константинович, дорогой, при чем тут чудо. Вы же сами прислали нам клиентку, Ларису Юрьевну Корн.

— Я? Прислал?

— Вы ей нас рекомендовали.

— Ах, да... Это произошло совершенно

случайно. Меня познакомили с этой дамой на одной закрытой вечеринке... Она пожаловалась на проблемы. Не мне, поверьте, а при мне. Я, памятуя о том, как Вы мне помогли, посоветовал ей обратиться в надежное консалтинговое агентство. И назвал Ваше, естественно, — Григорий мурлыкал, как кот. Врет. Но убедительно врет, так что стоит сделать вид, что я поверила.

— А какую-нибудь информацию о нашей заказчице я могу от Вас получить?

— Какую же?

— Личную. О бизнесе она мне все сама расскажет, если согласится на наши условия. А мне хотелось бы понять, стоит ли браться за ее заказ.

— Дорогая, это не телефонный разговор. Давайте так. Приглашаю Вас поужинать..., - он запнулся.

— Только не сегодня, — еще не поздно, можно было бы сходить, но при мысли, что надо вылезать из ванны, наряжаться, краситься и т. д. мне стало неуютно.

— Хорошо. Завтра в восемь. В... — и он назвал ресторан, абсолютно мне незнакомый. Знаю только, что я там никогда не была.

— Завтра у меня нерабочий день...Отгул...

— И Вам не хотелось бы его тратить на рабочие разговоры? Постараюсь компенсировать эти потери. Тогда давайте в шесть. Потом я

приглашаю Вас в Новую оперу.

— Да, Григорий Константинович, Вы знаете мои слабости. От такого невозможно отказаться.

За Вами заехать?

— Если можно.

— Тогда полшестого выходите из подъезда, мой шофер будет Вас ждать.

Никогда не скажет «водитель», обязательно «шофер», да еще и с французским прононсом.

В общем, мы договорились.

Я, конечно, сама за рулем, но когда меня приглашают в ресторан, да еще в выходные, предпочитаю, чтобы отвезли и привезли обратно. Можно хоть бокал вина или кружку пива выпить. И не морочиться с парковкой.

В пятницу с утра я съездила за продуктами. Привезла полный багажник — запас на всю неделю. До часу чистила, мыла, убирала, готовила, а в полвторого решила: хватит. На встречу надо прийти во всеоружии.

Дети к этому времени разбежались, кто куда, по своим учебным заведениям. Отлично, заниматься собой в их присутствии практически невозможно. А надо выглядеть роскошно.

Легла в ванну, отмокла в душистой пене, сделала маску на лицо, намазалилась кремами.

Погладила белую блузку, достала новые колготки, вытащила костюм, купленный в Париже.

Если надеть его целиком — вид деловой. А вот если взять только юбку, то с шелковой блузкой вид романтический. Хорошо, что стало наконец тепло, можно легко одеться.

В общем, я приготовила боевые доспехи и легла отдохнуть. Надо быть свежей как ромашка на лугу. А я лучше всего выгляжу спресонок.

Полпятого начала краситься: сделала себе лицо а натюрель. Минималистически. Слава Богу, я в свои «после сорока» на лицо не могу пожаловаться. Чуть-чуть «гусиные лапки» в углах глаз, и все. Так что я даже тоном не стала пользоваться: карандаш, тушь, чуть-чуть румян, блеск для губ... Брови, правда, пришлось выщипать — я о них за последний месяц совсем забыла.

В зеркале я себе понравилась.

До модельной красавицы мне как до луны. Росточек самый что ни на есть средний, фигура далека от мировых стандартов. Худенькой я не была даже в молодости, тонкой талией похвастаться не могу. Ноги, правда, стройные. Грудь красивая. И волосы густые и пышные. Конечно, на фоне Ларисы Юрьевны я бы не смотрелась. А с другой стороны... Главное — есть мозги. Тут любой фотомодели до меня вообще как до Марса. Сколько раз на мероприятиях, куда меня таскает шеф, мужики бросали своих модельных дам, чтобы поболтать со мной. Так что нечего

прибедняться.

И в полшестого я выпорхнула из подъезда, вполне довольная собой. Хотя май еще только перевалил за середину, было на редкость тепло. Стояла райская погода. В такое время не по ресторанам рассиживать, а гулять где-нибудь за городом. Скоро можно родителей на дачу перевозить.

Машина ждала, и минут через пятнадцать меня уже встречал у ресторана галантный Григорий Константинович. Он, как всегда, элегантен до невозможности. Костюм, рубашка, галстук, ботинки, платочек в кармане и булавка для галстука — все дорогое, шикарное, а главное, идеально подобрано. С таким кавалером приятно показаться где угодно. Мы прошли в зал, сели за уютный столик, спрятавшийся за огромным аквариумом. Я села к этому чуду спиной: будет отвлекать. Обожаю всякую живность, не следить за рыбками просто выше моих сил. А разговор предстоял серьезный.

Ресторан оказался очень дорогой, как говорится, гламурный, и, по раннему времени, полупустой. Надо сказать, я рестораны не люблю. Не чувствую в них себя свободно. И еду тамошнюю не люблю. Красиво, вкусно, но... Что-то не то. Вообще, предпочитаю есть то, что сама приготовила. Исключение составляет японская кухня. Я ее обожаю, но сама не готовлю. Но это не

японский ресторан, так что придется выбирать из того, что имеется. Сок и салат.

Листвянский знает прекрасно, что я буду есть. Поэтому сразу и заказал: Даме сок свежесжатый апельсиновый и греческий салат. Зеленый чай с жасмином и на десерт яблочный штрудель. Все правильно.

— И поскорее, мы не должны опоздать в театр.

Кстати, сад Эрмитаж от нас в трех минутах ходьбы. Не опоздаем.

— Замечательно, Григорий Константинович. А теперь давайте перейдем к тому, из-за чего я вам позвонила.

— Деловая Вы женщина, ничем не отвлечешь. Хорошо, спрашивайте.

— Кто такая эта Лариса Юрьевна?

Листвянский умоляюще сложил руки на груди:

— Поверьте, дорогая Надежда Николаевна, я тут ни сном, ни духом... Это не моя любовница, ни бывшая, ни настоящая, ни будущая... Не мой формат, как говорится. И я бы Вам ее не подсунул, если бы не случай. Так что простите великодушно...

— Как Вас понимать? То есть как клиентка она не подарок?

— Как клиентка она геморрой, если Вы

позволите так выразиться.

Мои слова! Я именно так и сформулировала шефу.

— Да уж выражайтесь без стеснения, так я лучше пойму. А почему геморрой? Мне показалось, что это не слишком умная дамочка, которой муж купил бизнес, — я так сформулировала, чтобы вызвать Григория на откровенность. Обычно это я ему все объясняю, поэтому он приходит в восторг, если может что-то растолковать мне. И точно, у него глаза загорелись.

— Во-первых, не муж. Бизнес ей купил любовник. Вы понимаете, что я, например, не смог бы подарить любовнице такую фирму.

Я вытаращила глаза. К чему это он?

— Ну, Вы уровень ее любовника себе представляете? Я человек не бедный, но с такими акулами я даже в одном море опасаясь плавать.

— То есть у нее очень богатый и влиятельный любовник.

— Был. Год назад он ее бросил. Вы видели ее машину?

— Porsche Cayenne?

— Именно. Это его прощальный подарок, хотя расстались они не друзьями.

— А откуда Вы знаете?

— Тот, кто нас друг другу представил, в курсе. Это мой хороший знакомый. Короткое время

и он был любовником нашей с Вами красавицы, но не потянул... И напрасно Вы думаете, что она глуповата. Она не слишком образованна и плохо воспитана, так. Но по-своему она очень умна. Настоящая стерва.

— А что с ней стряслось, из-за чего она начала искать консалтинговую компанию?

— После разрыва с богатым любовником, назовем его мистер Х, у нее все пошло наперекосяк. Успешный бизнес стал приносить убытки, и так далее. И она уже дошла до того, что хотела обращаться к магам и гадалкам. И спрашивала моего приятеля, не знает ли он хороших. А он ей и скажи, что сначала надо обратиться к бизнес-специалистам, может, они помогут. И привел меня в пример. Тут уж нельзя было отговориться, и я дал ей телефон Вашей компании. Но я Вам очень советую, — тут он перешел на задушевный шепоток, — под любым предлогом отказаться от этого заказа.

Я сделала вид, что этого не слышала.

— Так говорите, все пошло наперекосяк после разрыва?

— Примерно через полгода после.

Так, надо узнать, что произошло полгода назад. При плохом расставании Porsche Cayenne не дарят. В общем, картина вырисовывается, ясно, от чего надо танцевать. А без этого разговора я бы

месяц мучилась, собирая информацию.

— А кто был ее любовником, случайно не знаете?

— Как Вам здешний штрудель, дорогая? По-моему, неплох.

Ясно, он не ответит. Попробуем штрудель. Действительно, хорош. Почти как тот, что я пеку сама.

— Штрудель бесподобный. Просто на редкость. Сколько у нас еще времени до спектакля?

— Допивайте чай, и пора идти.

Когда мы вышли на улицу, Григорий Константинович предложил пройти пешком. У меня не было возражений. Вечер теплый, идти недалеко, почему бы и нет. Он предложил мне руку. Я не отказалась, но не преминула ляпнуть: Бобик Жучку взял под ручку. И вот шли мы с ним эдак по Каретной, как влюбленная парочка. Внезапно он наклонился к самому моему уху, и сказал:

— Виктор Егоров.

Я, надо отдать мне должное, все поняла: мне назвали имя того самого загадочного любовника. Сделала вид, что ничего не слышала, продолжала идти, как ни в чем не бывало. А уже у самого входа в сад Эрмитаж остановилась и чмокнула его в щеку. Поблагодарила. По его взгляду поняла, что сделала это напрасно. Ну ничего, разберемся.

Про спектакль говорить не буду. Кто-то не

любит оперу, кто-то к ней равнодушен, а я обожаю. Люблю хорошие голоса, радуюсь красивому пению. Листвянский знал, куда меня повести. И в театре мы говорили только о музыке.

Когда все закончилось, оказалось, что на улице начал накрапывать дождик. Я, честно, была к этому не готова. Ни зонта, ни плащика... Мой кавалер позвонил, и через пару минут подъехала машина. Мы сели.

Я еще ни разу не ездила с Григорием Константиновичем на заднем сиденье. Избегала этого всячески. Обычно либо он за рулем, либо меня везет шофер, и больше в машине никого нет. Но сегодня видно уж день такой.

До моего дома мы ехали недолго, но он за это время измусолил и мою руку, и мою коленку... Даже пару раз поцеловал в шею... Я упорно делала вид, что ничего не происходит, ровным голосом продолжала восхищаться музыкой Верди, и командовала водителем. У нашего подъезда мне с трудом удалось вылезти: герой явно жаждал награды за свой подвиг. По-моему, он рассчитывал уговорить меня поехать к нему.

Я все же выбралась, Григорий Константинович за мной. Слава Богу, дождя здесь не было. Еще минут десять мы прощались. Мимо проплыла высокая красивая девушка, вошла в подъезд, оглянулась и высоко подняла брови. Моя

дочь! Ей хватило ума не заорать: «Привет, маменция!».

* * *

Я быстренько завершила прощание и побежала вверх по лестнице. Катька еще не вошла в квартиру, а стояла перед дверью, разыскивая ключи в рюкзаке. Я хлопнула ее по спине и вынула ключи из собственной сумочки.

Сережки, естественно, не было дома. Но грязная посуда на кухне ясно свидетельствовала: заходил.

Дочь моя решила воспользоваться моментом: при брате она никогда не стала бы говорить со мной о личном.

— Маменц, что за кадр?

— Ты про него слышала уже сто раз. Это и есть Григорий Константинович Листвянский.

— Ничего себе, выглядит вполне-вполне... И тачка крутая...

Я скроила рожу.

— Но для тебя староват. Он тебе не нравится, да?

— Абсолютно...

— Жалко. Богатый муж тебе не помешал бы.

— Ты знаешь, он меня замуж не приглашал...

— Пригласил бы, если бы ты не

выпендривалась.

— А зачем, дочь моя? Мы, слава Богу, не последнее доедаем, чтобы я стала на старости лет собой торговать.

— Ну ладно, мамусик, замнем,... Я знаю, ты у нас гордая и прекрасная..., - Катька обняла меня, потерлась носом. Она знает, как меня раздражают подобные разговоры. Но все равно хочется пристроить любимую мамочку.

Катька очень красивая. По сути, гораздо красивее Ларисы Юрьевны. Породистее. В той, несмотря на все усилия визажиста, есть что-то простецкое. Как в той же Клаудии Шиффер. Если продолжить сравнение, Лариса похожа на всех манекенщиц вместе взятых, а Катерина очень индивидуальна, как шедевр великого мастера. Это не всегда заметно: моя дочь всему на свете предпочитает джинсы и майки, почти не красится и волосы забирает в хвост. Но даже и так она производит впечатление. А если Катюшку соответственно одеть, причесать, накрасить, то Ларисе останется только локти кусать.

Кроме красоты там есть мозги и характер. Мозги, как я надеюсь, в маму. А вот характер у нее свой собственный, со значительной долей стервозности. У меня самой этого нет совсем. А жаль. Как она сама любит говорить, в наше время стерва — это комплимент. Наличие острого ума

делает эту адскую смесь неотразимой.

Мальчики вокруг вьются, как комары. Она регулярно ходит на свидания то с одним, то с другим. Но пока серьезного нет. Есть два постоянных, оба с именем Антон. Очень удобно. Один из банка, где она в декабре проходила практику, другой приклеился к ней на концерте два года назад. И есть еще друг детства Митя, влюбленный в нее, не соврать бы, лет десять... Все они нужны ей как антураж. Пока.

— Вот именно, замнем. Ты лучше про себя расскажи. С кем гуляла?

— С Митей была свиданка. Посидели в кафе, потом пошли в клуб, потанцевали.

— Ну и что?

— Мамуль, на личном фронте, как на западном — без перемен.

Это чтобы я отвязалась. Все в порядке. Если что-то ее огорчает, сама придет, когда я уже лежу, сядет на край кровати, и будет выливать на меня свои переживания. Но пока они в основном касаются конфликтов с девчонками в институте.

Тут пришел Сережка. И с порога:

— Мам, ты меня подстрижешь?

— Ты соображаешь, который сейчас час? Скоро полночь! Только стричь тебя мне среди ночи не хватало!

— Ладно, но завтра постриги...

Я у него главный парикмахер. Когда-то при советской власти я научилась делать все: шить, готовить, чинить электропроводку, клеить обои и стричь. Потому что тогда была проблема найти кого-то, кто тебе это сделает даже за деньги. Сережку я стригу с детства, и ему даже в голову не приходит, что можно пойти в парикмахерскую. И вечно у него разные требования: то постриги его под Роберто Баджо, то под Дэвида Бекхема... А я все грожусь постричь его под Зинедина Зидана.

— Постригу, что с тобой сделаешь. А сейчас я спать иду! И тебе советую.

Я ушла в свою комнату, а дети еще какое-то время гремели на кухне чайником. Катерина тихим голосом что-то втирала брату. А он даже не пытался с ней ругаться по своему обыкновению. Интересно, о чем они говорят?

Ладно, пусть говорят. А мне надо попробовать обработать информацию, полученную от Листвянского. Виктор Егоров. Надо же!

Банкир такого масштаба... Как там его финансовая группа называется? СТМ-груп? Про АЛЬФУ в газетах пишут регулярно, а его группа только время от времени отчеты публикует. Надо бы в Интернете пошарить. Отчеты эти, в газете, где-то у меня были подшиты. По-моему, в папке «Анализ финансового рынка». Работают без скандалов, чистенько. Надо про него поподробнее

разузнать.

Или фиг с ним, Виктором Егоровым? Наша Лариса, вроде, бывшая... Уже год, как Егоров с ней расстался. Нет, судя по тому, что мне его фамилию сообщили как величайшую тайну, тут что-то есть. Листвянский зря трястись не станет. Назвать это священное имечко он решился только там, где никто не подслушает. А мало ли на свете Виктор Егоровых? Фамилия самая заурядная. Вот у нас в доме есть семейка с такой фамилией. И папа там как раз Виктор. Ну и что? Обычные алкоголики...

Значит, Егоров.

Внешне я себе его неплохо представляю. Интересный из себя мужик в районе полтинника. Не красавец, но видный. Видела его пару раз в телевизоре. То он кому-то премию вручает, то на каком-то сборище председательствует... Такая крупная рыба, что на вопрос о своем капитале ответит что-нибудь про погоду. Как там по классификации О.Генри? Набоб?

В общем, отложим до понедельника. Чует мое сердце, прав Григорий, от этого заказа лучше отказаться. Хрен с ней, с Ларисой Юрьевной. Не те это деньги, чтобы с Егоровым ссориться. Да мы для него не просто мелочь, как Листвянский, а совсем уж инфузория. Махнет рукой, нас и не станет. В понедельник попробую убедить в этом шефа.

Выходные я провела традиционно. В субботу до обеда — хозяйство, в субботу после обеда — встреча с любовником. Любовник этот держится у меня уже год. Зовут его Женя, он сервисный инженер из фирмы Самсунг. Высокий, симпатичный, славный... Немножко нудный. Никакой. Он меня не раздражает, когда мы вместе, я о нем не вспоминаю, когда его нет. Основное его достоинство — отдельная однокомнатная квартира в пяти минутах езды от моего дома. Встречаемся мы раз в неделю по субботам. Я приезжаю часам к четырем, он радуется. В зависимости от погоды мы либо сначала гуляем, либо сразу падаем в койку.

С ним приятно.

Потом он кормит меня очень вкусным салатом и горячими бутербродами. Затем, по настроению, мы опять падаем в койку или смотрим видик, а после этого я уезжаю домой. Все.

Иногда мы встречаемся и на неделе. Программа та же, только сокращенная. Повторная койка отменяется, я сразу еду домой после салата.

Я отдаю себе отчет, что отношения у нас очень странные. Как будто мы поменялись ролями. Но меня это устраивает. Для одинокой замороженной работой женщины это хороший вариант. Одного боюсь — что он начнет предлагать жить вместе, или, того хуже, пожениться. А ведь к тому идет.

Воскресенье у меня — день, который я провожу с семьей. Утром общаюсь с детьми, пока они не убежали. Потом еду к родителям, везу им полную машину продуктов. И сижу часа четыре, выслушивая критику моего образа жизни, а также методов воспитания подрастающего поколения. Возвращаюсь домой около шести.

Вечер воскресенья принадлежит мне! Я нежусь час в теплой ванне, делаю себе всякие косметические процедуры, занимаюсь маникюром и педикюром. Все сама: до салона за свою жизнь я дошла раза три. Это не жадность, просто лень. Потом ложусь на диван, беру книжечку и расслабляюсь. Супер! Если этот ритуал не соблюден, наутро я себя чувствую несчастной, и вся последующая неделя идет наперекосяк.

В этот раз я отлично отдохнула и привела себя в порядок. Просто на редкость. Тешило сознание того, что, несмотря на возраст и лишний вес, я нравлюсь. Женя, кажется, готов предложить руку и сердце. И записной ловелас Григорий Константинович жаждет, правда, не какого-то там ливера, а просто тела. Хотя ему-то есть из чего выбрать. Мне это все не нужно, но приятно. Греет сознание того, что еще не вышла в тираж.

* * *

В понедельник я пришла на работу раньше всех. Ничего необычного в этом нет, я предпочитаю начинать пораньше, чтобы не сидеть допоздна.

Залезла в Интернет, посмотрела сайт фирмы «Флора де Люкс». Качественно, красиво, дорого. Торговые точки в самых престижных дачных поселках. В Москве только центральный офис. Цены на все запредельные. Я регулярно что-нибудь сажаю на даче и знаю примерно, что сколько стоит. Так в этой «Флоре» все дороже не на проценты, а в разы!

Ну, в той же Жуковке господа считают ниже своего достоинства купить что-то по нормальной цене.

А в целом компания как компания, работа предстоит не сложнее, чем обычно.

Потом набрала в поисковике «Виктор Егоров». Черт, даже не представляла, что так много Виктор Егоровых болтается в Мировой Паутине!

Нужный нашелся на нескольких специальных сайтах. Председатель Совета Директоров... Член Попечительского Совета.... Это я и так знала, не первый год на финансовом рынке болтаюсь. Еще выяснила, что он Виктор Андреевич. И то хлеб. М-да, информации кот наплакал. Мой диагноз подтверждается — набоб! А с набобами шутки плохи: голову долой, и никаких разговоров.

В общем, если можем отказаться —

отказываемся. Если не можем — работаем, но глубоко не копаем и лишний раз не светимся. Уже пришел Сергей Иванович, есть с кем кофейку попить.

Тот парень, под которого Андрей когда-то создавал фирму, нас покинул, не проработав и года, но никто не расстроился. У нас работают бухгалтеры и финансовые аналитики потрясающей квалификации. Все они заканчивали наш институт, так что качество мозгов проверенное. Потом все они по тем или иным причинам сменили профессию на хлебное бухгалтерское дело. И все, кроме меня, имеют аудиторские права.

О Сергее Ивановиче я вообще молчу, без него мы не просуществовали бы и дня. Володя и Валера аудиторы экстра-класса. Есть еще у нас Игорь Анатольевич — потрясающий программист и компьютерный гений. В основном он занимается информационной безопасностью, и в этом качестве нарасхват. Он умеет найти баланс между безопасным использованием программ и Интернета и разумными рабочими потребностями наших клиентов. А еще он — моя личная правая рука, и, как шутят сослуживцы, левая нога. Все мои математические идеи он воплощает в работающие «программулины», а также следит, чтобы у нас все компьютерное оборудование работало, как часы. С ним у меня полное взаимопонимание. Как, впрочем,

и со всеми остальными.

Взяли Игоря как системного администратора, но сейчас его функции много шире. Поначалу шеф сердился, что Игорь по полдня сидит в Интернете или читает книжки. Как, ему деньги платят, а он ничего не делает?!!! Пришлось объяснять, что деньги ему идут именно за то чтобы ничего не делать. Если у Игоря нет работы — значит, все работает! А потом он вдруг взял и предложил новые схемы информационной безопасности. И тут же его услуги стали нарасхват.

Когда я прихожу и говорю, что хотела бы посчитать то или это, объясняю задачу — очень скоро получаю удобную форму для заполнения, которая сама все считает, строит графики и т. д. А если задачка уж слишком непростая, мы можем сидеть вместе часами, но результат бывает просто великолепный. Сейчас ему в помощь взяли двух гавриков, но они — надомники на подряде, и я их не вижу.

Еще у нас есть секретарша Ирочка, милое, приветливое, исполнительное и бестолковое существо. Она отвечает на звонки, посылает факсы, подает кофе во время переговоров и заказывает канцтовары в конце месяца. Входящие-исходящие у нас регистрируются автоматически, так что этой головной боли у нее нет. С шефом она не спит, что, откровенно говоря, радует. Тот ее в упор не видит:

принеси, подай, пошла вон. На меня она чуть не молится: я с ней ласкова, и, когда шеф орет, защищаю.

Стоит упомянуть и о внештатных сотрудниках. Их у нас около десяти, в основном бухгалтеры. Я их знаю преимущественно в лицо. Все они работают под управлением Сергея Ивановича. Вообще-то постоянный доход приносят именно они. У нас есть семь-десять фирм на бухгалтерском обслуживании, и это тот кусочек хлебушка, который есть всегда. Время от времени кому-то нужно восстановить бухучет — это тоже делает ведомство Сергея Ивановича. Это называется «дела».

А вот если приходят с нестандартной проблемой — тогда возникает «проект». И это уже моя епархия: самый большой геморрой, но и самые большие деньги. И именно такие проекты создали нашей небольшой фирме устойчивую репутацию.

На мне общая стратегия и тактика каждого проекта. Какая нужна информация, как ее обрабатывать и что потом сказать клиенту, решаю я. Вместе с шефом. У него стратегическое мышление сильнее моего, но он у нас шоумен и презентатор, систематическая работа выводит его из себя. Так что с ним я провожу первую встречу с клиентом, а потом обсуждаю результаты работы. И мы вместе идем все это представлять заказчику.

Все у нас приходят на работу не раньше десяти. Шеф, тот вообще появляется к полудню. А я люблю работать с утра, пока никто не мешает. Прихожу в девять, а то и полдевятого. И к тому времени, когда приходит Сергей Иванович, я уже успеваю много намолотить. Он приходит — и наступает время попить кофе.

Так что я вылезла из своего закутка и включила кофеварку. Сергей Иванович тут же появился из своего, ритуал утреннего кофе доставляет ему массу удовольствия. Спросил:

— Ну как встреча в четверг? У нас новый клиент?

— Ой, не знаю, мой дорогой, но надеюсь, что нет...

— А что такое?

— Клиент уж больно проблемный, может не заплатить, — не стоит посвящать Сергея во все подробности раньше времени, но легенда для коллектива необходима, — Красивая баба, привыкшая, что для нее мужики все делают даром...

— Настолько красива? — Сергей Иванович заинтересовался.

— Более чем... Топ-модели отдыхают.

— А, суповой набор... — в его голосе звучало разочарование. Он у нас человек старой формации, ему нравятся полные женщины. Я с моим сорок

восьмым для него слишком худая.

Тут пришли Валера с Вовой, на ходу включились в чаепитие, и разговор плавно ушел в сторону футбола и сравнительных характеристик автомобилей. Возник вечный спор о том, какая коробка передач лучше, и я сочла за благо вернуться на рабочее место. С четверга дел накопилось невпроворот и я занялась текучкой.

Полдвенадцатого пришел шеф.

И заперся.

Часа через полтора я собралась пообедать, тут-то Ирочка и пригласила меня к шефу. Как всегда, дела появляются именно тогда, когда садишься за обеденный стол. Ясно, разговор не предвещает ничего хорошего. Иначе он бы сам меня позвал, не поленился бы позвонить по внутреннему телефону. А так Ирочку напрягает.

Я попросила нашу секретаршу принести мне чаю и прошла в кабинет.

Шеф сидел с несчастным выражением лица, что за ним никогда не водилось. Я даже не успела спросить, что стряслось, как он вылил на меня такой монолог... Шекспир бы обзавидовался.

Среди эмоциональных возгласов пробивались ростки информации. По всему выходило, что он встречался с Ларисой в выходные, что-то было, и теперь он не может не взять ее заказ даже в убыток компании... И при этом ясно понимает, с кем

связался. А еще дополнительно в ужасе от того что может узнать жена. Кстати у шефа очень милая и вменяемая жена, у нас с ней вполне приятельские отношения. Время от времени мы с ней приглашаем друг друга в гости, перезваниваемся, болтаем о своем, о женском. Шеф очень дорожит своей семьей, несмотря на многочисленные походы налево. Поэтому и не спит с секретаршей, предпочитая одноразовых дам, отловленных на светских мероприятиях.

С самого начала я ему членораздельно сказала, что если шеф не будет вести себя как идиот, то никто ничего не узнает: я лично Наташе докладывать не стану, а больше некому. Он не то чтобы успокоился, но затих. После чего я объяснила, почему мы должны были отказаться от этого клиента, и какой тактики следует придерживаться теперь, когда отбояриться нельзя.

Сиди тихо и, возможно, пронесет.

Потом сообщила, что переговоры по деньгам мне придется взять на себя: я не могу позволить компании работать ниже себестоимости. Шеф смотрел на меня как на святую икону.

И на прощание я задала вопрос, полный яда: хоть удовольствие того стоило?

Мой шеф никогда не ругается в моем присутствии, но тут его прорвало. Он выдал матерную тираду, воспроизвести которую я не в

состоянии. Смысл ее заключался в следующем: да лучше бы я себе член бантиком завязал.

Этим он пролил бальзам на мою душу. Теперь можно не ожидать от него подставы, мы снова по одну сторону баррикад. Я послала ему воздушный поцелуй и пошла на свое место. Надо выработать тактику, а это нам раз плюнуть.

Первое, нельзя допускать прямых контактов Ларисы с шефом. Пусть отключит мобильник. У него их два — для личных дел и для работы. Вот пусть и отключит тот, который дал Ларисе.

Потом проинструктируем Ирочку. «Флору де Люкс» или Ларису Корн соединять только со мной. Андрея Викторовича нет на месте — срочная командировка в Питер... Лучше бы ему на самом деле уехать в Питер. Только зачем? Наклевывался в марте у нас один питерский клиент. Надо его реанимировать.

Я ввинтилась в кабинет шефа и изложила все подробности своего плана. Получила добро по всем пунктам, проинструктировала Ирочку и села на телефон.

Остаток дня я провела, мурлыкая по телефону с владельцем сети кафешек из города на Неве. Созванивались мы с ним аж четыре раза. Мое воркование дало результаты: на четвертый он попросил соединить его с шефом и договорился о встрече в среду. Ура!!!

А Лариса Юрьевна в этот день так и не позвонила. Не позвонила и во вторник.

* * *

Позвонила она именно в среду, как раз тогда, когда шеф уже вел свои переговоры далеко от Москвы. Я выразила сожаление в связи с отсутствием шефа и предложила его заменить. Ха-ха-ха!!!

Красотка этого явно не ожидала. Но, видно, дело ее не терпело отлагательств, и она пригласила меня к себе для обсуждения проекта. Правда не сразу, а только узнав, что нашего красавца не будет до конца следующей недели. Крупный заказ, что вы хотите!

Я подготовила коммерческое предложение с хорошей, на мой взгляд, ценой. Можно будет уступить процентов семь-десять, пусть порадуются. Мы все равно в накладе не останемся. Лучше всего будет, если, глянув на цену, она откажется.

Наутро я не поспешила на работу, а двинулась в парикмахерскую. У Лиды глаза вылезли на лоб: то я у нее не появляюсь месяцами, то зачастила каждую неделю. Она меня уложила, после чего, вернувшись домой, я накрасилась уже самостоятельно и надела самый свой любимый костюм: голубой парижский. Вид стильный и

элегантный, с такой дамой нельзя говорить неуважительно.

К одиннадцати часам я подъехала в офис «Флоры» на Ленинском проспекте. Хорошенькая, но довольно колхозного вида секретарша провела меня в кабинет хозяйки, где уже ждали двое: за спиной Ларисы Юрьевны возвышался амбал. Он чем-то неуловимо походил на гориллу, несмотря на галстук от Армани, костюм от Ermenegildo Zegna и умопомрачительные ботинки. Если бы не одежда, я приняла бы его за охранника, но тут решила к нему приглядеться. Сходство с гориллой не ограничивалось низким лбом и выступающими надбровными дугами. Под этими дугами черные глаза смотрели умно и недоверчиво, точь-в-точь как у гориллы из документального фильма, который я недавно смотрела по каналу «Культура». При этом зоолог распинаясь про ум этих замечательных животных. Вот и этот такой же. Опасный тип. Надо держать ухо в остро.

— Познакомьтесь, мой коммерческий директор Анатолий Петрович Овсянников, — он мрачно кивнул, разглядывая меня, как букашку под микроскопом.

— Надежда Николаевна Коноплянникова, — сказала я с улыбкой и протянула горилле свою визитку. Надо бы прибавить шуточку про то, что наши фамилии рифмуются, но под внимательным

взглядом этого представителя отряда приматов я заробела.

— Анатолий Петрович Вам поможет, когда Вы станете собирать информацию.

— Отлично. Очень рада нашему грядущему сотрудничеству, — я улыбнулась еще шире и приветливей. И тут же обратилась к Ларисе, — но у нас с Вами пока нет договора, поэтому я не могу приступить к работе. Я подготовила для Вас образец нашего типового договора и коммерческое предложение, посмотрите, пожалуйста, — и вытащила из портфеля папочку с документами.

Спасибо, договор я посмотрю и передам для изучения нашему юристу.

Передавай, милая, у нас договор составлен качественно, а по цене мы с тобой еще потягаемся. Лариса Юрьевна начала изучать коммерческое предложение и наткнулась на раздел о цене.

Надежда... Николаевна, когда я говорила с Андреем Викторовичем, он мне положительно обещал, что цена будет, ну, скажем, разумной.

Лариса Юрьевна, я получила от него такое указание, и сделала что могла. За наши услуги цена минимальная. Практически на уровне себестоимости, — она явно ожидала символической цифры, но мы даром не работаем.

Я ознакомилась с сайтом Вашей фирмы, там есть перечень услуг, прайс-лист, список торговых

точек: работа предстоит большая. А наши специалисты недешевые. Вы же не ходите стричься в первую попавшуюся парикмахерскую за триста рублей? (Ты стрижешься у Жака Дессанжа за пару тысяч баксов, по прическе видно). А ведь здесь, согласитесь, квалификация более значима. По сравнению с тем, что Вы теряете от неправильной постановки работы, сумма мне представляется несущественной.

Эк я ее, а?

— Ну хорошо, — промямлила госпожа Корн, — цена меня устраивает. Когда мы согласуем договор, можете выставлять первый счет.

Будет тянуть время, надеясь что-то выторговать у шефа. Плавали, знаем. Ничего у тебя не получится, милая девушка. С ценой ты согласилась, а первое слово дороже второго.

— А теперь я хочу спросить, какие данные Вам понадобятся для работы?

При этом вопросе своей хозяйки горилла страшно оживилась. Нет, Анатолий Петрович не начал бегать, жестикулировать и размахивать руками. Но все время, пока мы торговались, он смотрел спокойно, а тут подался вперед и глаза его загорелись.

— Мне понадобится вся внутренняя бухгалтерия, договора, отчеты торговых точек, кадровая информация. Да Вы не беспокойтесь. Для

начала я пришлю к Вам Валерия Васильевича, пусть Ваш финансовый директор или главный бухгалтер покажет ему бухгалтерию. А я посетю Ваши филиалы, посмотрю, как они работают: сейчас же как раз сезон?

— Да, совершенно верно, сейчас сезон, — согласилась прекрасная Лариса.

— Потом мне понадобятся их отчеты по продажам и издержкам. И отчет Вашей службы заказов.

— Но это же коммерческая тайна! — встрял Анатолий, — я повернулась к нему:

— Совершенно верно, Анатолий Петрович. Вся эта информация составляет коммерческую тайну. Поэтому я не начну работать до подписания договора. Если Вы откроете текст, то там, если не ошибаюсь, седьмым пунктом идет «Коммерческая тайна и конфиденциальная информация», — тут я развернулась к Ларисе, не упуская ее коммерческого директора из поля зрения, — С момента подписания договора наша фирма обязуется охранять Вашу коммерческую тайну как свою собственную. У нас те компьютеры, на которых мы будем обрабатывать Ваши данные, даже не имеют выхода в Интернет.

Я обратила внимание, что от произнесения мною вполне обычных слов Лариса Юрьевна явно получила ни с чем не сравнимое удовольствие,

источник которого мне был пока неведом.

— Ну, а дальше? — вдруг спросил Анатолий.

— Дальше? Дальше мы все обсчитаем, я изучу полученные результаты и представлю Вам все как на ладони.

— И мы сумеем в этом разобраться? В Ваших расчетах? — примат спросил «мы», имея в виду «Лариса».

— У Вас есть право и возможность задавать любые вопросы. И пока они все не будут сняты, работа не считается завершенной.

Тут я поняла, что встреча закончилась. На лице коммерческого Кинг-Конга читалось облегчение. И Ларисина оживленность сменилась благодушной расслабленностью.

— Замечательно, — пропела она, — Значит, в основном мы с Вами договорились. А теперь Анатолий Петрович Вас проводит и познакомит с нашим главным бухгалтером, Владленом Михайловичем. С ним связывайтесь по поводу договора и оплаты. Он предоставит Вам и Вашему бухгалтеру все условия для работы.

Мы распрощались, и, ведомая Анатолием, я отправилась в бухгалтерию. Владлен Михайлович оказался довольно молодым человеком с неожиданно приятной, если не сказать красивой внешностью. С коммерческим директором он являл разительный контраст. Но глаза... Умные черные

буравчики Анатолия ни в какое сравнение не шли с огромными, серо-голубыми, и абсолютно пустыми очами главбуха. Под их приветливым взглядом мне стало не по себе.

Меня представили, и он сказал мне комплимент, обнаруживший его прекрасное знание рынка консалтинговых услуг. Мы не прошли мимо него незамеченными. Не знаю, поможет это в дальнейшем, или помешает, но стоит запомнить.

Когда я наконец вышла и села в машину, то вдруг почувствовала себя почти счастливой. Встреча прошла легко, особенно если сравнить с другими. Деньги я отбила. И вообще...Хорошо. Лето скоро. Погода моя любимая: сухо, не холодно и не жарко, +22. Сейчас время обеденное, пробок нет, ехать — одно удовольствие. И в салоне разливается Хулио Иглесиас, создавая романтическое настроение.

Позвонила на мобильный дочь:

— Мама, ты скоро доедешь до офиса? Мне нужно с тобой поговорить.

— Говори сейчас.

— Нет, я сижу у тебя на работе и жду. Ты скоро?

— Скоро, скоро. Еще минут двадцать.

Все, настроение она мне испортила. Буду всю дорогу гадать, что стряслось. У нее сейчас сессия началась, может, экзамен завалила? Но вроде у нее

еще не было экзаменов.

Ладно, что гадать. Приеду — узнаю. И я включила Иглесиаса погромче.

В офисе царило легкое замешательство. Впрочем, так бывает всегда, когда там появляется Катерина. Еще бы, пришла красивая девушка! Обычно Валера с Вовой наперебой стараются ей угодить, Сергей Иванович ее опекает, а она пристаёт к не склонному к сотрудничеству Игорю Анатольевичу, задавая компьютерные вопросы.

Сегодня Катька ни к кому не приставала, мирно сидела на моем рабочем месте и играла в сапера. А наши мальчишки искали предлог перекинуться с ней парой слов.

Увидев меня, все разбежались по своим углам, оставив нас с дочерью с глазу на глаз.

— Ну, что стряслось-то?!

— Мама, — начала Катерина торжественно, — ты уже думала, куда поедешь в отпуск?

— Что?

— Ну, где ты собираешься в этом году отдыхать? И когда?

Если моя дочь задает такой вопрос, значит, у нее есть конкретное деловое предложение. О чем я не преминула ей сказать.

Она достала из своего бездонного рюкзака два красивых конверта с вензелями и прочими

кренделями. Отсутствие марок и почтовых штампов говорили о том, что они пришли не по почте.

— Ты помнишь, мама, в прошлом году я отдыхала в молодежном лагере в Австрии?

Ну еще бы я не помнила! Уже полгода она зудит про этот лагерь чуть не ежедневно.

— Тебя что, снова туда приглашают? — странно, однако...

— Нет, дело не в этом. Помнишь, я тебе рассказывала, там за мной ухаживал мальчик... Эр'ик. Он из Бельгии. Мы с ним переписывались...

— Помню. Эрик. И что дальше?

— Его папа прислал нам приглашение. Мне, тебе и Сережке.

— С какой стати?

— Мы тоже должны прислать приглашение. Одному Эрику. Он очень хочет увидеть Москву.

— От тебя можно с ума сойти. Ты не могла подождать до вечера? Надо было ко мне на работу припираться?!

— Мне нужно было получить твою справку о доходах для посольства. И сделать копию твоей трудовой...

— И?

— Сергей Иванович все уже сделал, ты не беспокойся...

Хорошенькое дело... От Сергея Ивановича справки просто так не добьешься, он всегда занят

чем-нибудь другим, и, бывает, нужной бумажки по два дня приходится ждать... А тут все уже нарисовано! Без меня меня женили! Ну ладно, вечером поговорим...

— Так, если это все, то у меня много работы, давай до вечера.

— Хорошо, мамочка, до вечера так до вечера, — как-то подозрительно быстро согласилась моя дочь, — Только еще подпишись вот здесь, и вот здесь... Я уже все заполнила.

— Ничего не буду подписывать!!! Дома поговорим. А сейчас брысь отсюда!

Катька скроила обиженную мину и ушла.

Час от часу не легче. Не хватало мне только бельгийского Эрика и его родственников. Но сейчас не до этого. Надо о результатах встречи рассказать Сергею Ивановичу, и вместе с ним подготовить версию для шефа. Да, я же еще не обедала!

Я справилась у сотрудников — как раз Сергей Иванович тоже ходил голодный. Очень кстати! Я тут же сговорила его отказаться от обеда в нашей знаменитой столовой, а съездить в «Елки-Палки» по соседству. Там тихо и никто не помешает.

Нам удалось занять очень уютный столик у окна. Мы набрали закусок с телеги, уселись, и я все подробно пересказала. Постаралась припомнить каждую деталь встречи.

— А про нас ничего не говорили? — спросил

Сергей Иванович.

— Даже слово такое не прозвучало.

— И тогда коммерческий директор успокоился? Ну, деточка моя, они выводят деньги через обналичку, это ясно. Если свою черную бухгалтерию они Вам не покажут... А это ясно, что не покажут... Ладно, и так обойдемся. Вам не кажется странным: у нас консалтинг сродни следовательской работе. Я был и в Англии, и в Америке — нигде такого нет. Внучка мне тут детективчик подсунула — ну куда этим, с позволения сказать, писателям, до нашей действительности! Выдумка у них убогая. Тут в жизни такие сюжеты: без стрельбы и поножовщины страсти играют.

— Это Вы к чему, Сергей Иванович?

— А к тому, что коммерческий директор в сговоре с главным бухгалтером воруют, а барышня плачет, ничего понять не может и нас с Вами нанимает.

Люблю Сергея Ивановича! Он всегда скажет просто и точно. Именно это и происходит. И все же, причем тут Виктор Егоров?

А вслух я принялась уточнять:

— А почему Вы думаете, что они воруют в паре?

— Это очевидно. Главбух может воровать самостоятельно, а для коммерческого директора это

затруднительно. Он же не подписывает финансовые документы. Поведение этого Вашего Кинг-Конга свидетельствовало, что и он в игре. Что ему вообще было делать на этой встрече? Это не его компетенция.

— Логично.

— Судя по всему, он отговаривал госпожу Корн от работы с нами. И особо пугал ее утечкой информации. В таких фирмах много черного нала и она боится.

— Кого?

— Налоговой, прокуратуры и, судя по всему, этого красавца. Вы ее успокоили, когда рассказали про соглашение о конфиденциальности, и дали в руки оружие.

— А он? Почему он успокоился?

— Побеседовав, он решил не бороться с неизбежным. Думаю, он надеется обвести Вас вокруг пальца. Или, в крайнем случае, купить. Вы проделаете обычную работу и дадите обычные рекомендации: усилить, улучшить, повисить и т. д. Он Вас еще плохо знает.

Я усмехнулась. Все правильно, анализ ситуации как на ладони. Я и сама все именно так представляла. И Иваныч знал, что я знала. Сделаем, не в первый раз, у нас и покруче сюжеты заворачивались. Не будет же Анатолий ко мне убийц подсылать. Чай, не в триллере живем, вокруг

простая коммерческая действительность.

Все же, почему Листвянский так отговаривал меня от этого заказа? Аж трясся, называя мне имя Егорова? Где этот придурок Овсянников, и где Егоров? Не стыкуется у меня что-то...

Ладно, делать все равно нечего, надо идти по проверенному пути под водительством мудрого Сергея Ивановича. Он у нас самый старший, старше меня на пятнадцать лет. Вообще-то в нашем возрасте это не критическая разница. Григорий Константинович его ровесник. Но на вид я могу сойти за его дочку, если не за внучку. Квалификация у Иваныча просто сверхъестественная, нюх, чутье — феноменальные. Он мог бы работать в самой крупной корпорации, и все были бы счастливы. Но характер у нашего Сергея Ивановича не сахар, если не сказать больше. Подчиненные не могли работать под его началом — он всех доставал своим перфекционизмом. А начальству никогда не стеснялся сказать прямо в лицо, что он о нем, начальстве, думает. Его отовсюду с почетом выживали, пока он не прибил к нашей фирме. Здесь ему подчинены те, кто не должен сидеть с ним в одном помещении. Это благо, он лишен возможности их терзать. На клиентов его тоже выпускать напрямую нельзя: всех разгонит, потому что ему надо любому объяснить, что он дурак. Счастливый и легкий

характер нашего шефа выражается еще и в том, что он пропускает язвительные замечания и брюзжание Сергея Ивановича мимо ушей, всегда с ним соглашается. Иначе бы наш герой давно уволился.

Со мной Сергей Иванович напрямую по работе не связан, поэтому он назначил меня на место своей большой и безответной любви. Я совершенно беззастенчиво пользуюсь его хорошим отношением.

Специально для меня он играет роль штатного мудреца и доброго дядюшки по совместительству. Я с ним всегда советуюсь, обязательно обсуждаю все свои проекты, и чувствую, что он от этого просто расцветает. Его советы всегда полезны. На нем я оттачиваю свои выводы, формулировки, проверяю концепции и догадки. Вот как сегодня. В изложении моего наставника нарисовалась ясная картина, в которую я не знаю, куда всунуть великого и ужасного Виктора Егорова.

После обеда работать абсолютно не хотелось. Я ответила на все письма, переделала наше стандартное коммерческое предложение, а то оно мне уже поднадоело, проверила таблицу, которую мне сбросил Вова, напилась чаю и поехала домой ровно в шесть часов.

Очень удачно проскочила до пробок, не прошло и получаса, как я была дома.

Катерина еще не возвращалась, но Сережка

уже пришел из колледжа и сидел за компьютером. К моему удивлению, на этот раз перед ним не расстилались картины неведомого мира. На экране висел простой документ Word: убористый плотный текст без абзацев. Значит, делает какую-то работу. Накачал из Интернета чьи-то рефераты, а теперь компилирует.

Когда Сережка сидит в своем Warcraft'e, он не реагирует на внешние раздражители. А сейчас он радостно все бросил, чтобы поговорить со мной.

— Маман, как ты рано! Слыхала Катькины новости?

— А ты уже в курсе?

— Ну, подробности мне неизвестны, вроде, мы все едем отдыхать за рубеж.

— Первый раз слышу, — покривила я душой.

— Я так ее понял. Правда, говорили мы по телефону... Может, я чего-то не разобрал...

У моих детей взаимопонимание очень плохое. В прямом смысле. Если один что-то говорит, то другой его не понимает. Хуже иностранцев, ей-богу! Особенно если учесть, что оба говорят на родном языке. Могут до хрипоты, до драки спорить, отстаивая одну и ту же точку зрения. У нас это семейное: так живут уже пятьдесят лет мои родители. Им нужен толмач, тогда все в порядке. Обычно им работаю я. Лет с четырнадцати, застав дома очередную ссору я спрашивала у матери:

«Мама, ты хочешь сказать, что...?». Обязательно сначала у маменьки, иначе вместо примирения грозила эскалация конфликта. И перефразировала ее высказывание, чтобы оно стало общедоступным. Она подтверждала, а в этот момент папенька внимательно прислушивался и кричал:

Нет, это я хотел сказать что...!!!

Ну вот, — говорила я, — вы хотели сказать одно и то же. Тогда почему вы так орете и мешаете мне заниматься?

Всем становилось стыдно, и они тихо расходились. С детьми та же картина. Они все время ругаются. Никаких непримиримых противоречий, просто взаимонепонимание. А я, как всегда, занимаюсь челночной дипломатией. Все это очень мило звучит, но сил отнимает просто вагон и маленькую тачку.

Сережка уже привык к тому, что сестру надо переводить. Моя реакция на его сообщение прошла спокойно. Наверное, он опять что-то недопонял.

Таким образом мне удалось перевести его с дел сестры на собственные. Оказывается, ему не ставят какой-то зачет без реферата. Знал он об этом уже давно, но не ударил палец о палец. И теперь лихорадочно компилировал то, что удалось найти в авральном порядке. Я не стала зудеть — потом, когда сделает. Просто загнала его обратно за компьютер, обещав, что к Катиным новостям мы

вернемся вместе с Катей.

Отправилась на кухню и стала шарить по шкафчикам и в холодильнике. Из чего бы сотворить ужин? В результате решила наваять горячих бутербродов с омлетом, сыром, ветчиной и помидорами. Их можно готовить и подавать по мере надобности. Омлет меня всегда выручает.

Сразу же подкинула штуки три сыну к компьютеру, за что он был очень признателен. Потом сделала парочку себе, вскипятила чай и села ужинать в гордом одиночестве.

И тут позвонил телефон. Господин Листвянский интересовался, сумела ли я отбойриться от заказа госпожи Корн. Я прямо ему сказала, что отбойриться не удалось, мы приняли заказ и надеемся его честно отработать. Григорий Константинович всполошился:

— Вы понимаете, во что влезаете?

— Ничего сверхъестественного, как мне представляется. Персонал ворует. Девушке не хватает ума, чтобы контролировать своих сотрудников. Она привыкла иметь дело с любовниками, а это другая специфика. Мы с таким уже сталкивались.

— Мы могли бы сегодня же встретиться?

— К сожалению, у меня сегодня серьезные домашние дела, я не могу их бросить.

— Наденька, дорогая, нам необходимо

поговорить, — вот я уже и Наденька. Обращать сейчас на это внимание — значит влезать в нудную и бессмысленную трепотню. Пусть говорит, но потом, потом...

— Не сегодня и не завтра, Григорий Константинович. Очень много дел накопилось.

— Скажите хотя бы: вы подписали договор?

— Пока нет, думаю, на следующей неделе.

— Слава Богу. Тогда я позвоню Вам на выходных.

— Хорошо, буду ждать Вашего звонка, — ждать я буду, как же. И не подумаю. Когда-то я решила для себя, что выходные священные, они принадлежат мне и семье. И неуклонно этого придерживаюсь. Никакой работе сюда ходу нет... И не Листвянскому ломать мою традицию.

Мы распрощались, я повесила трубку и задумалась. Все-таки Григорию удалось меня сбить с панталыку. Что там творится такое? Из-за чего весь сыр-бор? Я стала думать о совершенно чужой мне Ларисе, забывая о родной дочери.

И тут наконец пришла домой Катерина. Выражение лица у нее было самое недовольное. Хочет наказать меня за мое невнимание к ее делам.

* * *

Я усадила ее за ужин, не задавая никаких

вопросов. Этого Катька вынести не в состоянии. Она тут же принялась излагать всю историю с Эриком и приглашением. Познакомились они в прошлом году в молодежном лагере. Он там был чем-то вроде вожатого. И переписывались почти год. А теперь парень хочет посетить мою дочь в Москве, а потом пригласить ее с семьей к себе.

В Катином изложении все было настолько просто и логично, что вызвало у меня серьезные сомнения. Все-таки странная история для двадцатилетней девицы. Еще для школьницы десятого класса туда-сюда. А для студентки четвертого курса не проходит. Это я ей и сказала.

И получила дополнительную информацию. Оказывается, после летнего лагеря, этот Эрик был в Москве на зимние каникулы и на пасхальные. Это у нас нет пасхальных каникул, а у них есть. И Катька с ним встречалась. Он в нее влюблен и хочет жениться. Она не уверена, что тоже этого хочет. Поэтому до сих пор не показывала его никому и домой не приводила.

А он требует, чтобы я представила его своей маме, мне, то есть, в качестве будущего зятя. Поэтому и выдумал эту поездку по приглашению.

А нас зачем приглашает? Ну, это же понятно.

Эрик сказал обо всем своему папе. О чем обо всем? О том что он хочет жениться на Кате. А папа? Папа не хочет чтобы сын женился абы на ком. Но

просто запретить вот так сразу не может. Он хочет познакомиться с семьей. Поэтому и прислал нам приглашение. Всем троим. Он все оплатит, если я беспокоюсь. Папа у Эрика очень богатый. Ну, не как Абрамович, но богатый. И знатный. Из очень старинного рода. Граф, кажется.

Тут я стала истерически смеяться. Только графьев нам и не хватало.

Катька жутко разозлилась.

— Мама, прекрати немедленно смеяться!

Я от хохота перегнулась пополам и чуть не свалилась с табуретки. Дочь моя позлилась еще немного, и тоже принялась хохотать.

— Ну, дочь моя, ты даешь! Графа подцепила, надо же! Кому сказать, не поверят! И что, ты впрямь за него замуж пойдешь?

— Ну, вот еще! Сначала я должна институт закончить. А потом я собираюсь еще поучиться где-нибудь на Западе. Я хочу получить хорошее бизнес-образование. И совершенно не собираюсь замуж. Пока. Ни за Эрика, ни за кого-то еще.

— А вся эта петрушка зачем?

— Если мальчик сам так рвется, то почему бы не съездить в Бельгию, не пожить в замке на всем готовом? Может, мы еще тебе там мужа найдем.

Я промолчала. Поиск мужа для меня — пунктик у моих детей. Когда Сережке было лет шесть, он сказал: «Мама, ты бы поженилась на

ком-нибудь». Я спросила: «Зачем?» и получила знаменательный ответ: «Ты обо всех нас заботишься, надо, чтобы и о тебе кто-нибудь заботился». Я тогда чуть не заплакала. С тех пор то один, то другая приискивают мне женихов. Правда, чисто теоретически. И вот у дочери созрел план, как перейти от слов к делу. Я решила эту тему немедленно замять. И спросила:

— Он тебе нравится?

— Нравится, конечно нравится, иначе я бы и разговаривать с ним не стала.

— Нравится, потому что он граф?

— Да при чем тут это? Он высокий, симпатичный, на роликах здорово катается. И далеко не идиот, хоть и раздолбай порядочный.

— Тебе это нужно?

— Я хочу, — ответила Катя, — хочу, чтобы он к нам приехал, хочу, чтобы мы к нему съездили. А чем дело кончится, предпочитаю не думать.

— Так. И когда все это состоится?

— Эрик приедет в июле. Жить будет здесь, у нас. В Сережкиной комнате.

— Сережка-то согласен?

Я его уговорю. Он все равно в это время будет на даче с бабушкой и дедушкой. А мы поедем в августе. У тебя в это время как раз мертвый сезон.

Катка сделала умильную рожицу.

— Хорошо. Что от меня требуется?

— Мамочка, ничего особенного, — она тут же достала из сумки бумаги, — Подпиши приглашение, и вот еще анкеты, когда надо будет в посольство, я тебе сообщу.

— Сообщай заранее, а то я могу и не смочь!

Дочь расцеловала меня, сунула в руки ручку и показала, где надо расписываться. Я в жизни не подписывала того, чего не читала. Пришлось изучить всю эту канцелярию. Надо отдать Катьке должное: она заполнила бумаги просто идеально.

Прочитала приглашение. Оказывается, меня приглашает к себе Жан Мишель де Кассаль. Он гарантирует, что я не буду ни в чем нуждаться, а по прошествии срока визы отправлюсь на родину и прилагает ворох сертификатов и полисов, в которых я не стала разбираться. Наверное он знает какие бумажки необходимы.

Бог с ней, с Катькой. Пусть девка делает как хочет. В итоге мы ничего не теряем. В августе я так и так иду в отпуск.

Жизнь приучила меня не забивать себе голову тем, что только может случиться, или случится в далеком будущем. В 99 % случаев это переживания на пустом месте. Возможно, ничего такого и не произойдет. Мой отец всегда в таких случаях говорит: «война будет — объявят». И еще: «переживай неприятности по мере их поступления». И не только неприятности. Такой

подход очень полезен для здоровья. Мама поступает в точности наоборот. В результате в свои семьдесят она насквозь больная сердечница, а папа в свои почти восемьдесят свеж, как огурчик.

Я поставила свою подпись везде, где ждали галочки, и выбросила Эрика с его семейством из головы. Придет время, все узнаем.

Уяснив ситуацию с Эриком, Бельгией и всей этой ерундой, я позвала сына пить чай. Очень вовремя, оказывается. Он закончил свой трактат и был полон любопытства.

Я заткнула Катьку, чтобы не вызывать лишних споров, и сказала, что он был прав. Возможно, в августе мы всей семьей поедem в Бельгию в гости к семье Катиного друга. Но до этого друг приедет к нам.

Обычно Сережка очень ревниво относится ко всему, что, как ему кажется, может его ущемить. Но тут он сам предложил поселить Эрика в своей комнате. Слава Богу, хоть из-за этого не поссорятся.

Потом дети разошлись по комнатам. Сережке надо было распечатать реферат, а Катюшка забрала с собой телефон и принялась названивать подружкам.

Я за вечер так устала, как будто на мне воду возили. Ушла в ванную, нежилась там минут сорок, а потом сразу нырнула под одеяло. Теперь даже

если кто-то позвонит, не подойду ни за что.

* * *

Вопли электронной женщины застали меня врасплох. Я только легла, и вдруг это безобразие! Оказалось, уже пора вставать. Я так крепко спала, что не заметила ночи.

Настало утро пятницы. Пережить этот рабочий день, и все! Не успела я добраться до работы, как все, кто имел на меня виды в связи с выходными, начали звонить, как с цепи сорвались. Три раза позвонила мама, вносила новые пункты в список покупок, каждый раз по одному предмету. Пару раз позвонил папа по тому же вопросу. Мама считает, что я меньше сержусь, если они звонят через раз. Женя сверял наши планы.

Ближе к обеду позвонили дети, чтобы поставить меня в известность относительно своего времяпрепровождения. Сережка еще денег просил.

Если учесть, что я ненавижу, когда мне звонят на работу по домашним делам... То ближе к обеду я просто раскалилась. Когда мне вдруг позвонил мой очень и очень бывший любовник, я вскипела и была с ним крайне нелюбезна. Только повесила трубку — новый звонок.

Я крикнула Ирочке, чтобы не соединяла, но она пришла с аппаратом в руках и вытарашенными

глазами: «Это шеф». Ну наконец-то звонок которого я жду. Но я еще не вся выкипела, поэтому тут же облаяла шефа. Действительно, он нам нужен, мог бы и пораньше позвонить из своего Питера.

Оказывается, он вчера поздно вечером разговаривал с Сергеем Ивановичем, все знает, просто позвонил выразить свое восхищение и попросил о том, что мы взяли заказ, никому не говорить, особенно Листвянскому. Нет бы ему еще вчера со мной связаться. Листвянский уже обо всем оповещен. Я так и ответила шефу. Он загрустил, сказал, что объяснит причину лично, когда домой вернется. А вернется он в среду. Ему удалось выбить заказ у питерских, причем не у тех, кого мы запланировали, но зато заказ действительно большой. Сейчас согласовывают условия, во вторник окончательная встреча. И попросил поторопить Ларису с оплатой, а то скрываться уже надоело.

После звонка шефа я велела Ирочке больше ни с кем меня не соединять. Сама позвонила главбуху «Флоры де Люкс» и выяснила, что договор подписан еще вчера. Пошла к Валере, попросила сделать счет и переслать по факсу. Так, на сегодня с Ларисой Юрьевной все. Будем ждать оплаты.

Потом села за компьютер, залезла в Интернет, вытащила кучу новых статей по финансовым

рынкам, и остаток дня читала их, жмурясь от удовольствия. Кое-что даже скачала. Если и впрямь будет заказ от крупной компании, это пригодится.

Вечером в пятницу я в магазины не захожу, поэтому купила хлеба и пива в ларьке и поехала домой. После тяжелой недели имею право выпить бутылочку. А креветки у меня еще с прошлой недели в морозильнике скупают.

Дома никого не было, я устроила себе одинокое пиршество. Детям ничего не оставила. Придут, увидят в помойке шелуху от креветок, начнут зудеть, но будет поздно. Нечего мать бросать в пятницу в гордом одиночестве. Хорошо бы было сейчас сидеть не одной, обсуждать дела, просто болтать, шутить, лопать креветки... Жалко, что мне не с кем. А впрочем, хорошо и так.

Пиво для меня — снотворное. Так что я даже не слышала, как домой по одному вернулись Катя с Сережкой.

А суббота началась со звонка Жени. Он простудился. Температура, сопли и все, что полагается. Нет, ехать к нему не надо, у него все есть. Я велела ему пить чай с медом, надеть шерстяные носки и лежать. И почему-то почувствовала облегчение: никуда не надо ехать. Что это — старость? Или он мне просто надоел? Пожалуй, второе. Наши милые, ни к чему не обязывающие отношения себя исчерпали. А для

чего-то большего он не годится. Может, кому-то и подходит, но... Это не мое, надо признаться. А что мое? Я много лет отрицала для себя возможность чего-то большего, чем то, что давал мне Женя. А тут стала задумываться о том, с кем под старость буду телевизор смотреть. Хотя я его не смотрю. Надо же, на сорок пятом году жизни я созрела ... Может, правы мои дети, мне стоит подумать о том, чтобы замуж выйти? Хотя по возрасту я уже давно вышла в тираж. Тоже мне, невеста нашлась. Я сел за компьютер, вытащила файлы, где у меня хранилась демографическая информация, и посчитала для себя вероятность нового брака.

Возьмем всех мужчин в возрасте..., ну пусть будет от сорока до шестидесяти, не надо задавать слишком узкие рамки, а то вообще ноль получится. Из них вычтем сначала всех женатых, затем всех без высшего образования (зачем таким тетенька-кандидат наук?) и жителей маленьких городов (у них в этом возрасте низкая социальная мобильность, встретить их живьем для меня нереально). Что-то мало получается. Рекламную кампанию на такую целевую группу начинать — выброшенные деньги. Тут работает только метод прямых продаж, как в сетевом маркетинге.

А теперь прикинем.

Шанс второй раз выйти замуж у меня — как встретить динозавра. По мнению блондинок —

пятьдесят процентов: либо выйду, либо нет.

Люблю свою науку, действует успокоительно, показывая реальность в правильном свете. Шансы минимальные, так что сиди и не рыпайся. Раньше внуков дождешься.

За этим занятием меня застал Сережа.

— Мам, ну мы едем за покупками?

— Конечно, едем.

И поехали. Когда вернулись, я увидела, что оставила дома мобильный, а на нем пачка неотвеченных вызовов. Телефон мне совершенно незнакомый.

Я уже собралась перезвонить, чтобы узнать, кто меня домогается, но тут мобильный снова зазвонил. По голосу — мой бывший любовник, которого я, не будем мелочны, грубо отшила вчера.

— Я могу тебе перезвонить на домашний?

— Перезвони, конечно, я дома.

Дима моложе меня на пятнадцать лет. И в это уперлись в свое время наши отношения. Мы встречались три года. Я очень боялась нашей разницы в возрасте. И приложила множество усилий к тому, чтобы он на ком-нибудь женился. Их результатом явилось то, что после расставания мы сохранили замечательные отношения.

Я только успела дойти до телефона, как он перезвонил.

— Надь, я сегодня буду в ваших краях. Ты не

могла бы со мной встретиться?

— В общем, могла бы... Почему нет?

— Я часа в три позвоню, ты выходи и съездим куда-нибудь, посидим, поговорим.

— Что-то случилось?

— Да ничего не случилось, но мне нужно с тобой поговорить. Я соскучился. И мне необходим твой профессиональный совет.

Интересно. Димка юрист. Хороший специалист, работает в юридическом отделе крупной западной фирмы. Пришел туда мальчиком на побегушках, а теперь, когда начальник уходит в отпуск, оставляет его за себя. Начальника его я знаю — нас как-то нанимала Димкина фирма, и с Александром Алексеевичем мы утрясали положения договора. Если тот уйдет на пенсию, или создаст наконец свою юридическую контору, Димка — первый кандидат на его кресло.

— Хорошо, Димочка, подъезжай к трем. Постараюсь к этому времени освободиться.

Надо же убраться и обед приготовить на три дня. Я поставила на огонь кастрюлю с водой и куском мяса — будущим борщом, в другой кастрюле поставила вариться свеклу, накрошила овощи и разложила их по мискам. Теперь буду подбрасывать овощи в кастрюлю между делом, сэкономлю кучу времени. Потом я оглядела купленную свинину: неплохой кусочек. Не жирный, но и не слишком

постный. Жарить? Да ну, столько возни. Пусть будет буженина. Я быстренько нашпиговала мясо, сделала тесто из муки, воды и соли, увернула в него кусок и отправила в духовку.

Затем начала уборку на кухне, по ходу дела подбрасывая овощи в кастрюлю с борщом и принюхиваясь к запахам их духовки. Сережка получил задание пропылесосить квартиру и шуровал по комнатам, бурча что-то себе под нос. На самом деле это он поет, но старается негромко, потому что его громкого пения живой человек выносить не в состоянии: у парня совершенно отсутствует музыкальный слух. Удивительно, ведь и у меня, и у Романа слух отличный. Катюша вытирала пыль и мыла места общего пользования, заткнув уши плеером.

В два часа я позвала всех обедать. После обеда не стала мыть посуду, а пошла в душ. Только вылезла — позвонил Дима. «Я у твоего подъезда, выходи». Пришлось быстро влезать в джинсы, натягивать первую попавшуюся кофточку и вылетать. Димка ждал меня у машины. Он тут же заявил, что я выгляжу потрясающе, обнял и поцеловал на глазах у всех соседей и усадил в свою Тойоту.

Мы отправились пить кофе в какую-то изысканную кофейню, где царил полумрак, на рояле импровизировал живой пианист, а чашка

кофе стоила столько, что на эти деньги можно было кофейничать дома лет пять.

В своих джинсах я диссонировала с обстановкой, и это меня поначалу смутило. Дело было даже не во мне, а в Диме. Он такой элегантный, в дорогом костюме, в золотых очках, не хотелось его компрометировать. Поэтому я забила в самый дальний уголок. И очень хорошо сделала, интимность создавшейся атмосферы была нужна Димке для того, чтобы решиться открыть рот. В машине он болтал о пустяках, и я никак не могла перевести разговор на то, за чем он меня, собственно, приглашал.

А тут он расслабился и одновременно собрался.

— Слушай, я хочу с тобой посоветоваться. Мой шеф, ну, ты знаешь, Александр Алексеевич, наконец открывает свою контору. У него уже есть несколько клиентов на постоянное юридическое обслуживание. Плюс он собирается вести арбитражные дела. Ты же знаешь, я вообще-то арбитражник, — он вдруг стыдливо потупился и замолчал.

— Замечательно. И что дальше?

— Ну, мне он предложил уйти вместе с ним... Он привык со мной работать.

В этот момент пришел официант принять наш заказ. Димка заказал нам по капучино. Знает мою

слабость. Я же это время потратила на обдумывание того что сейчас скажу. Ясно, что он на распутье. Надо задать парню правильные вопросы, а ответ он найдет и сам.

Официант довольно долго пытался уговорить Димку на десерт, но в конце концов ушел.

— А фирма, в которой ты работаешь сейчас?

— Они мне предложили быть пока исполняющим обязанности... Можно надеяться, что через пару месяцев стану не И.О.

— То есть ты затрудняешься принять решение...

— Затрудняюсь. Это ты правильно сказала.

— Ну, давай бумагу и ручку.

Димка удивился страшно, чуть очки с носа не слетели.

— У меня нет с собой бумаги... Только ручка, — и он извлек из внутреннего кармана позолоченный Паркер. Эти юристы такие пафосные!

Тогда придется писать на салфетке. Прелесть. Ну просто классика жанра. И еще неплохо чтобы на салфетке отпечатался коричневый кружок от кофейной чашечки. Я вытащила салфетку из держателя. Подумала и вытащила вторую.

— Вот смотри. Здесь мы напишем все, что ты теряешь и приобретаешь, переходя вслед за шефом, а здесь — то же самое, но в отношении твоей

родной компании. И сравним. Если окажется так на так, можно еще порисовать дерево принятия решений.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я же не спрашиваю тебя, откуда ты знаешь чуть не наизусть Гражданский кодекс. Менеджмент — моя профессия.

— Я всегда думал, что ты математик. Ну, и финансовый аналитик.

— Это само собой. Но без знания менеджмента это не работает. Ну так как, давай писать?

— Давай.

— Прекрасно. Бери ручку и пиши, — Димка опешил, он не был готов к тому, чтобы писать.

— Что писать? И где?

— Вот этот листочек раздели пополам. Сверху напиши букву А. В смысле Александр Алексеевич. Слева выпишем плюсы, справа минусы. Сначала содержание работы.

— Ведение клиентов, оказание им юридической помощи. Ну, как у тебя, клиентский бизнес.

— Тебе это интересно?

— Даже очень. Фирмы разные, могут быть самые разнообразные вопросы. И ведение арбитражных дел, ты не забывай.

— А в перспективе?

— Стать членом коллегии адвокатов, спецом — арбитражником.

— Неплохо. А где офис будет располагаться территориально?

— В районе Таганской. С одной стороны, Центр, с другой — дыра порядочная. Поэтому аренда относительно невысокая.

— Ездить, одним словом, неудобно.

— Ну, если на метро...

Я скроила рожу, которая должна была выразить сомнение. Димка, как и я, не переносит общественного транспорта. Хотя с другой стороны, от его Беговой до Таганки — прямая ветка. Но это не мне решать. Велела записать оба соображения. Экономия на бензине при использовании прямой ветки метро или многочасовая езда в жутких пробках.

— Так, теперь коллектив. С шефом у тебя хорошие отношения?

— Отличные!

— А кто еще будет с вами работать?

— Пока не знаю. Должны быть еще помощники, по одному для каждого, и секретарша, одна на всех. Но фирма в процессе регистрации, поэтому штат еще не набран. И себе помощника я подберу сам.

— А шеф пока работает?

— До первого июня.

Первое июня на следующей неделе.

— То есть, если даже ты решишься уйти вместе с шефом, у тебя нет необходимости срочно подавать заявление об уходе.

— Все верно, это может понадобиться где-то через месяц. Но я хотел обо всем подумать заранее.

— Предусмотрительный ты наш. Хорошо что думаешь обо всем не в последнюю минуту. А теперь надежность. Насколько ты уверен, что все не рухнет через полгода — год?

— Ну, я надеюсь... Александр Алексеевич очень опытный юрист с хорошей репутацией. И у него уже сейчас есть клиенты на постоянное обслуживание.

В этот момент нам наконец принесли капучино. В красивом сосуде, который не знаю как называется, с пеной взбитых сливок. Я тут же отвлеклась на эту вкуснятину и, как мне кажется, кое-что пропустила. Ничего, если понадобится, переспрошу.

— И последнее. Деньги.

— Александр Алексеевич обещал сорок процентов с каждого клиента после вычета налогов. Полагаю, это должны быть неплохие суммы.

— Отлично! К этому мы еще вернемся, а пока давай про твою актуальную компанию.

— Начнем с того, что ездить не близко, но на машине удобно и есть стоянка.

— И то хлеб.

— Сама работа интересная, вопросы самые разнообразные, и главное, я ее хорошо знаю. Работать в качестве начальника юридического отдела крупной компании престижно.

— А коллектив?

— Ну, наш отдел очень отдельный, что ли... Сейчас кроме меня и шефа еще два помощника и администратор отдела. Секретарша, если тебе так понятнее. Со всеми у меня нормальные отношения. А из остальных мы имеем дело только с топ-менеджментом.

— И что этот топ?

— Тут как раз заковыка. Смотри сама. Шеф уйдет — меня назначат исполнять его обязанности, но на мое место никого не возьмут.

— Почему?

— Потому что через два месяца либо меня должны утвердить в этой должности, либо найти кого-то со стороны. Тогда я вернусь к своим обязанностям.

— А этого тебе ой как не хочется.

Вот именно! Почему ты меня с полуслова понимаешь, а другим приходится по три часа объяснять, и все без толку?!

«Другие» — это его жена.

— Ладно, нечего мне петь дифирамбы, не для того ты меня сюда позвал. Лучше расскажи о своих

шансах остаться в должности начальника отдела. Ведь именно здесь собака зарыта.

— Понимаешь, у нас сменился коммерческий директор. Его нам навязало правление. Он всюду старается протащить своих людей, а старых сотрудников выживает. Уже сменился финансовый директор и начальник отдела маркетинга. Была такая отличная тетка, а теперь наглый и не очень компетентный парень. Да и мой шеф никуда не стал бы уходить, если бы не этот тип. И у меня такое чувство, что претендент на его место уже готов, просто они не торопятся, чтобы не развалилась юридическая служба. Все-таки тут на новенького немного наработаешь, а у нас идут два арбитражных процесса.

— Все с тобой ясно. С этого и следовало начинать. Не очень-то ты хочешь уходить, просто боишься, что место начальника тебе не достанется, а вместо этого на голову посадят... ну, скажем, не слишком грамотного юриста. А ваш Генеральный как ко всему этому относится? Я помню, он вроде был вменяемый мужчина.

— Генеральный меня бы поддержал, он не в восторге от нашего нового коммерческого... Но ему нужны аргументы.

— Аргументы и факты... Надо ему дать эти аргументы...

— Какие?

— Подумаем... А пока... Знаешь что, я немного поразмыслю, а ты пока закажи мне еще капучино и, — тут я зорко оглядела соседние столики, — тирамису. Или нет, лучше штрудель, — и я откинулась на спинку диванчика.

Дима позвал официанта, сделал заказ.

— Какой штрудель Вы предпочитаете? Вишневый, яблочный, ореховый? — тут я не выдержала и вылезла.

— Штрудель, чтобы Вы знали, молодой человек, это, по определению, яблочный рулет. Еще в него добавляют изюм и орехи. И подается он со взбитыми сливками.

— У нас штрудель бывает шести сортов и подается со сладким сливочным соусом и вишенками, — обиженно сказал официант. Не знаю, за кого он меня принял, может, за дикую тетушку из Бразилии, но посмотрел на меня уничтожающим взглядом. Прямо с высоты цен местного меню. Но нас не запугаешь.

— Так, не надо никакого штруделя, несите тирамису. Может, хоть это у вас готовят правильно.

Молодой человек чиркнул что-то в своей книжечке и с достоинством удалился.

— От тебя можно сойти с ума, — жарко задышал мне в шею Димка, — Как ты его, а? Я всегда говорил, что ты потрясающая. Слушай, потом поедем ко мне? — я молчала, — Если тебя

это стесняет, давай поедem за город, в какой-нибудь пансионат, нет проблем...

Я продолжала молчать. А что скажешь в такой ситуации? Если ляпнуть, что первое в голову придет, неизвестно, какая будет реакция.

— Ленка вчера уехала на две недели с матерью на Канары. Да не в этом дело. Ты же знаешь, я хочу только тебя. Я хочу тебя всегда. Ты же сама не захотела выйти за меня замуж...

— Дим, давай не будем, — сказала я, и тут же пожалела. Может, плюнуть на все, и поехать с ним за город? Сейчас, в конце мая, мы легко снимем номер. Любить я Димку не любила, но относилась очень хорошо. А хотеть — хотела всегда. Это не Женя, секс с которым всегда казался мне чем-то вроде лечебно-оздоровительной процедуры. Но сейчас начинать все по новой? Уже нет сил.

* * *

Димка появился в моей жизни в очень тяжелый момент. Он уверяет, что нас представили друг другу на каком-то сборище, не то юбилее, не то свадьбе. Я этого не помню напрочь. Тогда у меня был Алеша, и я видела только его. При этом я была настолько счастлива, что просто светилась, излучала это счастье, изливала потоки доброжелательности на случайно встреченных

людей.

Димка вообще предпочитает женщин постарше, и он на меня запал. Но понял, что ему тут ничего не светит. А через полтора года случайно встретил в коридоре Патентного Бюро. И поразился, насколько я изменилась. А я просто погасла.

Этот эпизод я помню прекрасно. Я тогда поступила в контору к Андрею и занималась одним из первых наших проектов. Сидела в коридоре и ждала чиновника, который ушел на обед. Дима подошел, сказал, что мы знакомы. Я его не узнала, но от знакомства отказываться не стала. Ждать было скучно, и мы разговорились. Парень поразил меня глубоким знанием патентного права. Я поняла, что нашла бесценный источник информации по вопросу, в котором никто вокруг не разбирался. Поэтому, когда он предложил пойти выпить кофе, не отказалась. Получив нужную бумажку, вышла из кабинета, и увидела, что он меня ждет.

За кофе он довольно быстро выяснил, что я теперь одна, и попросил разрешения мне звонить. Я, ничтоже сумняшеся, дала ему визитку. Он пару раз позвонил, попытался меня пригласить, но я отговаривалась занятостью.

И все бы на этом закончилось, если бы не Наталья Ивановна, мой гинеколог и хорошая

приятельница. Через год после смерти Алеши и через неделю после встречи с Димой я пришла к ней на прием и стала жаловаться на ухудшение здоровья. Она спокойно заявила:

— А что ты хочешь?! Ты же не живешь нормальной половой жизнью!

Тут у меня слезы хлынули градом. Я заявила, что не виновата в том, что единственного на этой планете человека, с которым я хотела жить этой самой жизнью, больше нет.

— Дура, — спокойно сказала мне Наталья. — Это ты любовь путаешь с сексом. Заведи себе мальчика, чтобы, с одной стороны, удовлетворял тебя в постели, а с другой стороны, не претендовал на большее. Все твои болячки как ветром сдует.

И так как я продолжала возражать, Наталья развернула передо мной ужасную перспективу инвалидности и смерти от тысячи ужасных заболеваний, которые могло вызвать мое упорное воздержание. Чтобы совсем меня убедить, воззвала к материнским чувствам:

— Подумай, у тебя двое детей! Как ты собираешься их растить, если будешь вся в болячках? У тебя нет никого, кто содержал бы твоих детей, да еще и платил за твое лечение. Потому что, помани мое слово, работать нормально может только здоровый человек.

Я подумала: чем черт не шутит? Из всех

претендентов на мое внимание Димка мне был наиболее симпатичен. Умненький мальчик, не красавец, но приятный в обращении, вежливый и просто милый. За ним не тянется хвост предыдущих отношений, у меня нет с ним контактов по работе. Смущала разница в возрасте. А с другой стороны, вряд ли он будет претендовать на что-то большее, чем простой перепихон. Не жениться же он собрался на тетеньке настолько старше себя?

Когда Димка позвонил в очередной раз, я решилась.

Мы встретились раз, другой, третий. Скромно, достойно, прилично: гуляли, пили кофе и беседовали. С каждым разом парень становился все настойчивее, а я пыталась понять, смогу ли я лечь с ним в постель. Когда, прощаясь в третий раз, Дима поцеловал меня уже не в щечку, а в губы, я даже не поняла, а почувствовала: смогу. Он мне не противен, скорее наоборот, приятен. Я его хочу.

В следующий раз я согласилась пойти к нему в гости. Мальчик был нежен, ласков, чуток и страстен. Мне удалось отключить сознание и получить удовольствие. А придя домой, я обратила внимание, что боли внизу живота, которые меня беспокоили, бесследно исчезли. Мы продолжили встречаться примерно по той же схеме, по которой сейчас я встречаюсь с Женей. Правда, не один, а

два раза в неделю. Сначала я увидела явную пользу здоровью. У меня восстановился цикл, перестала болеть грудь, улучшился аппетит и цвет лица.

А потом поняла, что выздоравливаю и душевно. Тоска прошла, сменилась успокоенностью. Я перестала плакать во сне. Ко мне вернулась природная жизнерадостность.

Я почувствовала к Димке глубокую благодарность и очень к нему привязалась. Но полюбить его так и сумела. Принимала его чувство, не давая ничего взамен. Хотя нет, не совсем так. Я подарила ему свою дружбу, самое ценное, что у меня было. Просто ему хотелось другого.

Сейчас я понимаю что на моем дружеском спокойном отношении Димка и сломался. Воспылай я к нему страстью, мы бы очень скоро расстались. А тут он просто ничего не понимал и стал метаться, что меня страшно удивляло. То он предлагал мне съехаться и жить вместе, совершенно выпуская из внимания, что у меня двое детей, тогда еще несовершеннолетних. То натравил на меня свою маму, сказав ей, что он на мне женится. Меня о своих матримониальных планах при этом в известность не поставил. Мама пришла в ужас, провела свое следствие, добыла мой телефон и стала мне названивать. Я постаралась ее убедить, что такая ужасная перспектива ей не грозит. Разговор с Димкиной мамой стоил мне огромных

усилий, но уладил ситуацию как нельзя лучше. Бедная женщина начала с «оставьте в покое моего мальчика», а закончила на «не бросайте моего мальчика». Важный успех международной дипломатии.

После этого случая Димка успокоился. Мы регулярно встречались у него, время от времени ходили: в театры и на выставки, дважды ездили отдыхать. Все было замечательно. Я привыкла к тому, что в моей жизни есть такой человек.

Время от времени Димка пропадал недели на две, на три. Я никогда его не искала, а когда он появлялся, не устраивала сцен, просто радовалась, что он снова здесь. То есть не предъявляла на него никаких прав.

Так прошло два года. А потом он предложил мне выйти за него замуж. Как ультиматум: или мы женимся, или расстанемся навсегда. Такой шантаж я не могла снести и сказала: значит, расстаемся навсегда.

Потом Димка позвонил и сообщил, что женится на своей бывшей однокласснице. Я его поздравила, пожелала счастья и сама удивилась, поняв, что ничуть не огорчена. Все правильно, мальчик, наконец, женится на девочке.

Прошел месяц, он снова позвонил, попросил позволения приехать. Умолял простить, сказал, что ни на ком не женится, просто хотел меня испугать.

А я не испугалась, и теперь он чувствует, что меня теряет.

Я ответила: э, нет. Все кончено. Поезд ушел, вагон отцепили. Надо строить жизнь порознь, а не цепляться за прошлое. Разрешила писать мне по электронной почте, обещала свою помощь и поддержку, предложила дружбу. Твердо, окончательно и бесповоротно.

Вскоре Димка женился на той самой однокласснице. Оказывается, она была влюблена в него со школьной скамьи, ждала своего часа, и дождалась. Жили они неплохо, я знала об этом как от самого Димки, так и от его мамы, с которой мы почти подружились. Детей, правда, пока не было.

Но время от времени Дима начинал домогаться встречи со мной. Пару раз мы даже встретились, пили один раз пиво и один раз кофе. Но на сближение я не шла. У меня железный принцип: никаких женатых мужчин.

То, что я не поддержала его притязаний, сбило Димке весь настрой.

Он пробурчал:

— Хорошо, если ты не хочешь, — а потом перевел на другое и сменил тон на заинтересованный, — Ну давай уже говори, что ты там придумала?

Я придумала? Я ничего не придумала. Я

вообще думала не о том. Но говорить это вслух не стоило. Вместо этого я сказала:

— Давай разбираться. Сейчас ты получаешь?

— Полторы тысячи.

— Долларов?

— Евро.

— Неплохо. А после ухода твоего шефа будешь получать...

— Две с половиной.

— Отлично. А если станешь постоянным начальником отдела?

— В первый год три, потом четыре с половиной.

— А если не станешь, пятьсот евро с тебя снимут?

— Нет, оставят.

— Значит, в деньгах ты не теряешь, и есть шанс, отличный от нуля получать очень и очень хорошо. У вас же еще соцпакет неплохой.

Видно было, как трудно Димке перейти от любовных трелей к соцпакету. Но он взял себя в руки.

— Очень неплохой. И еще учеба ежегодно за счет компании.

— А у твоего Александра Алексеевича еще бабушка надвое сказала. И уходить тебе совсем не хочется. Только если припрет. Мой тебе совет — тяни время.

— Как это?

— А вот так. Александру Алексеевичу обещаю подумать. Намекни, что пока он и один справится. Несколько фирм на абонентском обслуживании долларов по двести в месяц... Арбитраж только в перспективе... Пусть берет одного помощника, пока он больше не потянет. Кстати, может у нас бухгалтерией обслуживаться, ты предложи. А когда будут объемы, ты к нему придешь. Или не придешь, но это уже детали. Он разумный человек, прикинет, и поймет, что ты дело говоришь. Думаю, этот вопрос всплывет не раньше, чем через полгода.

— Я все понял. А с моей работой как?

— Работай пока, благо никто не гонит. В отпуск сходи. И готовься. Вопрос о постоянном начальнике отдела возникнет в конце лета. Кстати, ты что-то говорил про два процесса.

— Да, по одному суд на носу, в конце июня, а по другому в сентябре — октябре.

— Есть шанс выиграть хоть один?

— Хорошие шансы выиграть оба. По второму можно прийти к мировому соглашению, не доводя дело до суда.

— Отлично! Вот тебе и аргумент в твою пользу. Но делай все так, чтобы начальство думало, что без тебя все обернулось бы иначе. Думаю, твой генеральный постарается, чтобы на этом месте остался именно ты.

— А если не получится?

— Кто тебе мешает искать себе другую работу или уйти к твоему Алексеевичу, когда тому будет, что тебе предложить? А пока хоть будешь сидеть в хорошей компании на хорошей зарплате, — и я воткнула ложечку в появившееся передо мной тирамису.

Димка встал и поклонился мне с очень серьезным выражением лица. Потом сел и сказал:

— Сколько бы ты ни брала за свое консультирование, оно того стоит. У меня в мозгах прояснело. Кого ни спросишь, такое несут... Только еще больше запутываюсь. А ты мне все как на ладони нарисовала.

— Ладно, на ладони. Давай лучше пей свой капучино.

— Может, все-таки съездим за город? Ну, хоть погуляем?

Я уже готова была согласиться, но буркнула: «Там посмотрим», и как в воду глядела. Когда мы вышли из кафе, оказалось, что погода кардинально испортилась. Еще с утра было лето, и вот... Холодный ветер принес не менее холодный дождь, и я пожалела, что не надела теплую куртку. С чистой совестью и спокойной душой я сказала:

— Загород отменяется. Вези-ка меня домой, пока я насморк не подхватила.

Димка повез, время от времени бросая на меня

многозначительные взгляды. Во дворе я быстренько распрощалась и бросилась в квартиру, как будто за мной черти гонятся. Брр, холодно то как!

* * *

Дома я почувствовала, как вымоталась за эти пару часов, а вдобавок еще и замерзла. Пришлось лечь в ванну. Я повалялась там в свое удовольствие, потом вылезла и пошла по квартире с инспекцией.

Сережка, сидя за компьютером, строчил очередной реферат, Катька занималась тем же самым. Я как-то не ожидала застать их дома. Ах, ну правильно, зачетная сессия. Трудятся детки в поте лица, надо их чем-нибудь побаловать. Сделаю-ка пиццу! Я достала из морозилки тесто и засунула размораживать в микроволновку. Пиццу я делаю большую, на весь противень. И начинки в ней раза в два больше, чем теста. Так вкуснее... Пришлось еще размораживать грибочки, обжаривать лучок, тереть сыр. Но наконец я все подготовила:, и тут позвонила моя старинная подруга Татьяна:

— Ой, хорошо, что ты дома. Я к тебе сейчас заскочу.

Правильно я пиццу затеяла, будет чем Таньку угостить. Она ее любит. Уложила я все на тесто слоями, засыпала сыром и засунула в печку.

Танька — моя любимая подруга. Последнее

время мы стали реже видаться, но не потому, что наши отношения изменились. Просто с годами не хватает сил на полноценное общение, а поверхностное нам и не нужно. А если что-то случается — первым делом бежим друг к другу. Видно, у Таньки стряслось что-то, иначе зачем она ко мне несется? А Татьяна ввалилась, стряхивая с себя дождевые капли.

— Ну просто как дура, не взяла с собой зонт! Всегда вожу, а тут взяла и выложила! Ты как, Надюха? Дай я посмотрю. Выглядишь — дай Бог всякому! Просто как тинейджерка юная! А кстати, почему ты дома-то? Я позвонила, а пока звонила, вспомнила — сегодня суббота и ты у хахаля. Уже настроилась трубку вешать, а ты тут!

— Захворал мой хахаль. Простудился.

— А ты не побежала, как декабристка, ему горчичники ставить и сопли утирать?! Молодец! Наконец-то научилась жить, как человек. А я так обрадовалась, что ты дома. Тортик купила, еще винца взяла французского.

— Есть, что праздновать?

— Еще как есть, подруга!

— Ну и отлично. У меня пицца скоро будет готова!

— Ура! Обожаю твою пиццу. В ней столько вкусной начинки..., - замурлыкала она мечтательно, — сыру ты много кладешь. А

грибочки в ней будут?

— Будут, — успокоила я Таню, — с осени еще несколько пакетов в морозилке осталось.

— Мне крупно повезло. Так что ты доделывай свою пиццу, а я стол накрою. А потомки где?

— Потомки дома. Но их звать не будем, пусть едят свои рефераты. Им пойдут остатки.

Татьяна расхохоталась.

— Точно, остатки. Мы с тобой по кусочку съедем, а все остальное — остатки!!!

Правильно, так всегда и бывает. Мы в еде очень умеренные, оставляем много, а дети-троглодиты все подьедают. Надо не забыть и ее Вике упаковать пару кусочков пиццы.

Я помыла посуду, порезала сыр и колбаску. Танька достала из серванта красивые английские тарелки, льняные салфетки, серебряные столовые приборы и хрустальные бокалы, открыла вино и выложила торт на блюдо. Получилась такая красота, что пришлось идти в комнату, снимать халат и надевать приличное платье.

Пока я переодевалась, она водрузила на стол подсвечник и зажгла свечи.

— Тань, что отмечаем?

— Не скажу, пока не сядем и не нальем по бокальчику.

Я сунула нос в духовку. Пицце оставалось максимум пять минут.

— Тогда подожди пять минут, выну пиццу, и можно будет посидеть спокойно.

Но спокойно не сиделось, так стало интересно. Спасибо, дети отвлекли. Сначала Сережка вылез:

— Ой, тетя Тань, привет, как здорово, что Вы заехали. Мама пиццу поставила, я из комнаты учуял.

Потом подтянулась Катька:

Тетечка Танечка, сто лет тебя не видела. Здравствуй, моя золотая. Хоть бы ты почаще приезжала, а то мы соскучились. Как там Викуся? В порядке?

Катька Таню обожает, а ее дочь Вику терпеть не может. Что-то между ними произошло еще лет семь назад, но что — это тайна, покрытая мраком.

Таня со всеми поздоровалась, расцеловалась, после чего я отправила детей обратно: нечего нам мешать. А вкуса? Вкуску положу на тарелки, можете забирать и выкатываться. Тут и пицца поспела. Ее торжественно разрезали, каждый получил свой кусок, и ребята удалились. Я села напротив Тани и вытаращила глаза, что означало полную готовность внимать.

— Надь, выпьем за нас, молодых и красивых! — мы чокнулись, — после чего Татьяна продолжила, — Я, кажется, замуж выхожу?

— Выходишь, или тебе кажется?

— Выхожу, подруга!!!

— И за кого, если не секрет?

— За англичанина из Сингапура. Зовут его Барни, мы познакомились в позапрошлом году на выставке во Франкфурте.

— Это про него ты говорила, что он похож на персонаж Киплинга?

— Про него, родимого. И как ты все помнишь? Я же говорила это два года назад.

Ни фига себе, время бежит. Два года уже прошло, а мне казалось, это было вчера.

— Вы познакомились на выставке, а потом?

— Потом я вела с ним переговоры. Он нам поставляет комплектующие. Пару раз съездила в Сингапур, пару раз он сюда приезжал...

Танька у нас более деловая дама, чем я. Она уже давно коммерческий директор в компании, торгующей компьютерной техникой. Член Совета Директоров, владелица пакета акций и вообще акула бизнеса. А начинала сто лет назад с палатки на Митинском радиорынке. Но у Таньки есть мозги, и деловая хватка. Я могу дать совет, а она способна им воспользоваться, и это, в конечном итоге, стоит дороже.

— А как же великий принцип «мухи отдельно, котлеты отдельно»? — так мы с ней для себя сформулировали невозможность смешивать личное с деловыми отношениями.

— А вот так. Принципы побоку, тут уж не до принципов. Все к черту полетело еще в первый раз, в Сингапуре. Он меня после переговоров в офисе пригласил в ресторан. А потом вместо отеля отвез к себе. Я уже прилично набралась к тому моменту, и не очень сопротивлялась. И понеслась...

— А потом?

— А потом суп с котом. Во время переговоров встречались, и в отпуск вместе ездили, а вчера подали в ЗАГС заявление. Через два месяца распишемся, потом какие-то формальности, и поеду я в Сингапур.

— А Вика?

— Вика от счастья скачет до потолка. Тоже рвется в Сингапур.

— А ее учеба?

— Ты что, совсем со счета сбилась? У нее же последний курс. Ей осталось только госэкзамены сдать и диплом получить. А диплом химфака МГУ — вполне уважаемая бумажка.

— И английский она знает прилично. Порядок. Только пусть живет отдельно, а то всякое может быть.

— Учить она меня будет. Сама знаю. Бабкину квартиру здесь будем сдавать, а там на эти денежки ей снимем жилье.

Танька за последние пять лет похоронила обоих родителей. Квартира отца досталась его

второй жене, а Танина мать свою завещала внучке. Так что по московским меркам Вика — богатая невеста.

— Слушай, а он богатый? — по ассоциации спросила я.

— По крайней мере, не бедный. Есть свое дело, дом, счет в банке. Для Англии маловато, а для Сингапура даже очень хорошо. Да и я не нищая. А кроме того, я в Сингапуре смогу прекрасно работать.

Сможет, это точно. Танька, если надо, сквозь стену пройдет и не заметит.

— А лет ему сколько?

— Пятьдесят два.

— Нестарый еще.

— А я о чем говорю, подруга!!! Он просто супер!!! Давай я тебе фото покажу.

Она достала из сумки пачку фотографий. Действительно, такой седеющий колониальный джентльмен в усах. Загорелый и подтянутый. Довольно симпатичный. Даже на фото видно, что высокий. У нас с Танькой еще в детстве был бзик насчет высоких парней.

— А где ты его оставила? Мог бы вместе с тобой приехать, познакомиться, так сказать...

— Я что, ничего не сказала? Я же из аэропорта, посадила его в самолет.

— Он что, на один день прилетал?

— Почему на один? Мы две недели тут мыкались, собирали все нужные бумажки, чтобы заявление подать.

— И ты столько времени молчала?!

— Ты же меня знаешь. Сглазить боялась.

Знаю. Стоит Таньке о чем-нибудь вслух сказать заранее, можно биться об заклад, что это не состоится. Понятно теперь, почему последние два года мы стали так редко общаться. Скрывать от меня роман с, как его, Барни, ей было непросто, вот она и свела к минимуму возможность проболтаться.

— Когда свадьба-то, скажешь? Мне надо будет подарком запасть, да и фирменные пироги с меня.

— Регистрацию нам назначили на конец июля. Я пока не смотрела, что это за день. А торжества в ближайшие за тем выходные. Будет время пироги испечь, — и Танька отправила в рот последний кусочек, — Пицца сегодня удалась.

— Давай еще по глоточку.

— Давай.

— За здоровье твоего Барни... Он даже не знает, паршивец, как ему повезло. Такие женщины, как ты, на дороге не валяются.

— А такие как ты, думаешь, валяются? Ничего, подруга, может, еще кому-нибудь повезет, и ты у нас замуж выскочишь.

— Ага, как же. Я тут считала вероятность

брака для нас с тобой, получилось что-то так мало, что и сказать стыдно.

— Но я-то выхожу.

— По статистике, мои шансы от этого уменьшились. Ничего, буду к тебе в отпуск летать.

— Обязательно. А там и тебе кого-нибудь приглядим. Это наши мужики зажавшиеся, не знают уже, что им нужно. А в цивилизованном мире такая баба на вес золота.

— Где они найдут столько золота? — я обвела себя руками.

И мы начали хохотать.

Просидели мы с Татьяной допоздна. Я ей рассказала про свои дела, она мне рассказывала про Барни и про то, как собирается обустроить свою и Викину жизнь. Я ни разу не спросила, любит она его или нет. Любовь — слово не из моего лексикона. Разговоры о ней я считаю профанацией. В романах и дамских журналах вечно женщины спрашивают своих мужчин, любят ли они их, а если любят, то как именно. От меня такого не дождешься. Язык не поворачивается. Поэтому, наверное, мои мужчины вечно пытались добиться от меня признаний, точь-в-точь как дамочки из романов. А потом я оказывалась бездушной, бессердечной, да сейчас и не упомнить всех эпитетов. Может, я действительно такая. Или просто не любила никого. Детей люблю, родителей

люблю, Таньку вот люблю: за них за всех дам себя разрезать на кусочки, за всех вместе и за каждого в отдельности. Они — это я, несмотря на то, что я всегда уважаю суверенитет их личности. А мужчины... Никто из них до сих пор столько для меня не значил, кроме Алеши. Но он от меня признаний никогда не требовал...

Так что я своим любимым и обожаемым о любви не стану распинаться.

И уж точно не буду об этом спрашивать Татьяну, не мое это дело.

Татьяна дождалась, когда хмель из головы выветрится, и уехала, хотя я предлагала ей остаться. Все равно завтра воскресенье, можно спать, сколько влезет. Но она побоялась — Барни может ей звонить, как прилетит, а она дома не ночует.

Я и расстроилась, и обрадовалась. Все-таки надо отдохнуть, а с Танькой мы бы всю ночь протрепались. С другой стороны, когда еще придется с ней так посидеть. Вот уедет в свой Сингапур, и все...

Суббота оказалась насыщенной, а воскресенье — пустым. Все как всегда. Поехала к родителям, мыла, убирала, готовила, выслушивала поучения... С тех пор как я стала хозяйкой в собственном доме, я могу их слушать спокойно и доброжелательно. Все пропускать мимо ушей.

По ходу дела проводила для родителей

пресс-конференцию. Делала сообщение «про свою жизнь». Про Танькины дела рассказывать не стала, а то вопросов не оберешься. Моя мама любит задавать вопросы о том, что спрашиваемый в принципе знать не может. И очень обижается, если ей не отвечают.

О Катиных делах рассказала в общем виде. На время вселения к нам Эрика Сережке придется жить с бабушкой и дедушкой на даче, значит, надо сказать им заранее. Про то, что нас пригласили в Бельгию, сообщать не стала, сказала только, что собираюсь в августе поехать отдохнуть всей семьей. Куда? Там видно будет.

В общем, все, что я произносила, было строго отредактировано. Эти разговоры выматывают меня больше, чем мытье полов, уборка и готовка вместе взятые.

Не забыть дать Сережке с Катькой инструкции, что говорить бабушке при случае. А то проговорятся — потом сами наплачутся.

Матушка моя обрадовалась, что Сережка пару недель безвылазно будет с ними. Силой его там удержать не получается. С тех пор, как дети стали совершеннолетними, они отказываются все лето проводить на даче. У нас там нет ни картошки, которую нужно окучивать, ни клубники, которую нужно полоть. Только газон, цветы и смородина. И друзья у них там есть, вроде, скучно быть не

должно. Все равно не хотят. Три-четыре дня, и все. Дальше нужен перерыв на недельку. Мою маму мои дети любят, но выносить в больших дозах не могут. Так что согласие Сережки провести на даче две недели — большая жертва с его стороны. Хорошо, что он счел поездку в Бельгию достаточной компенсацией.

Мне удачно удалось перевести разговор на их собственный переезд. В этом году я решила не торопиться. Когда старики за городом, приходится ездить туда на выходные: убирать, готовить, возить еду с рынка. Да и на неделе хорошо бы заезжать. У меня пока слишком много дел в Москве, а сил мало. Пусть дети сдадут свои сессии, тогда они могут подменять меня в выполнении этой миссии в рабочие дни.

Поэтому я уговорила маму выехать на второй неделе июня. Будет достаточно тепло, дом просохнет, не придется спать на влажных простынях. Мои доводы были, хоть и с трудом, но приняты.

Уффф... Я уехала от родителей совершенно вымотанная. С трудом машину вела.

Возвратившись домой, позвонила Жене, справилась о его здоровье, дала парочку медицинских советов, и сочла свою миссию на сегодня выполненной. Забралась в ванну, вымылась, привела себя в порядок на следующую

неделю. Вылезла из ванны и решила устроиться с комфортом. Со вчерашнего дня еще похолодало, так что я принесла себе термос с горячим чаем, забралась под теплый плед, взяла очередной роман и приготовилась отдохнуть в свое удовольствие.

К Сережке пришел приятель, и они засели играть во что-то невообразимое по домашней сети. Пока играют, ко мне приставать не будут.

Катерины не было.

Когда она вернулась, я спала. Свет горел, книжка валялась рядом с диваном, а я дрыхла без задних ног. Она меня разбудила, но не для того, чтобы я постелила себе и легла как следует, а чтобы поговорить. Спросонок я податливее, и дети это знают.

— Мамусь, ты в четверг сможешь пойти в посольство?

— Не знаю...

— А когда будешь знать?

— В понедельник вечером. А что я должна делать в посольстве?

— А виза для поездки тебе не нужна?

— А бумаги все готовы? — ответила я вопросом на вопрос.

— Все... Не забудь свой старый паспорт, как доказательство того, что ты ездила в страны Шенгена много раз. А то в новом у тебя только Тунис.

— Ладно. Поищи мой старый паспорт в нижнем ящике секретера. По-моему, он лежит в синей коробке. Но это не все. Надо для еще твоего Эрика сделать приглашение.

— Это в среду после обеда. Я займу очередь и позвоню тебе.

— И в посольстве тебе придется сделать то же самое.

— В посольстве с утра, туда вместе съездим.

— Ты уже все продумала, как я погляжу. А когда этот твой Эрик приедет и на сколько?

— Я уже сказала, приедет в июле. Дней на десять, максимум на две недели.

— Знаешь что, сообщи ему, что мне было бы удобно, чтобы его визит закончился до 25 июля. А поедем мы к нему в гости не раньше августа. И тоже дней на десять. Пусть планирует вместе с папой. Кстати, почему только с папой? Мама там есть?

— Есть, но не там. Они давным-давно развелись, и она живет где-то на Юге Франции.

— На Лазурном берегу?

— Нет, где-то около Тулузы.

— А в Тулузе море есть?

— Нету.

— Жалко. Вот туда бы я с бóльшим удовольствием поехала.

— Куда?

— На море, вот куда. И чтоб не надо было в голове держать всяких там неизвестных мне графов. В конце концов, у меня отпуск бывает нечасто.

— Ну, мамулечка, не вредничай. Ты отлично отдохнешь. А на море можно будет съездить. Эрик писал что-то насчет Нормандии. Тебе там должно понравиться, в августе там нет такой жары, как в Ницце.

— Львица ты моя светская! В Нормандию собралась. Готовилась бы лучше к сессии.

— Я готовлюсь, — обиделась Катя, — у меня во вторник консультация, в пятницу экзамен. А сидеть в очереди в ОВИРе и в консульстве я могу и с учебником, тем более, что этот экзамен мне скорее всего засчитают «автоматом».

Да, напрасно я на нее гавкнула. Девчонка отлично учится, и сессия для нее уже давно не проблема. Так что я просто ее заткнула, перевела на другую тему. Почему-то не хотелось думать о поездке, не хотелось ее обсуждать. Наверное, это работает защитный механизм: поехать хочется, и страшно сглазить. Чем меньше обсуждать, тем больше шансов, что все состоится.

— Ладно, я все поняла. Пора спать ложиться. Хочешь чаю перед сном?

— Молочка.

— Ну, ты молочка, а я чайку... А Сережка что

будет? Ты спроси.

Катерина засмеялась.

— Он ничего не будет. Спит без задних ног.

Все я пропустила. Пока спала, сын наигрался на компьютере, проводил приятеля, поужинал, и спать залег. А я ничего не слышала. Все-таки есть преимущество в том, что дети уже взрослые и самостоятельные.

Катке вообще пора жить отдельно, строить свою судьбу без оглядки на маменьку. Да и Сергей уже совершеннолетний. Еще пара-тройка годиков, и ему понадобится отдельное жилье для самостоятельной жизни. Сейчас сдаст последнюю сессию в своем колледже, и, если не произойдет ничего непредвиденного, — будет зачислен сразу на второй курс института. Учится-то он неплохо. А тут и личная жизнь появится. Ясовсем не хочу ее портить.

Значит, еще пару лет, и останусь я одна. А одна я жить не умею. То есть не люблю. Сама для себя не встану с дивана, чайника не вскипячу. Ну, вскипячу, конечно, но не более.

Правильно Танька делает. Меняет в своей жизни все. Сейчас у нее начнется совсем новая эпоха, от этого можно опять помолодеть. А потом будет с кем на старости лет телевизор смотреть. Что это я прицепилась к этому телевизору? Ладно, пусть будет кому на завтрак омлет готовить.

Пока я грустила, Катюшка заварила мне чай и позвала на кухню. Мы долго сидели друг против друга, прихлебывая, одна молоко, другая чай с лимоном. Почти не говорили, но разве родным людям нужны слова, чтобы понимать друг друга?

* * *

Наутро я отправилась на работу в каком-то странном настроении. Мне было тревожно, и одновременно я знала, что все будет хорошо. Прибавить сюда общее возбуждение, и мое состояние описано довольно точно.

Не успела я просмотреть почту, как позвонил Владлен Михайлович. Оказывается, я за выходные так далеко ушла в своих мыслях, что не сразу сообразила, кто он такой. Пришлось срочно возвращаться на грешную землю и включаться по ходу дела.

Владлен мне сообщил, что не только контракт подписан, но он только что перевел нам аванс, и зачитал номер платежки. Я поблагодарила, и пообещала в среду прислать к ним Валеру.

Дело предстояло тонкое, для такого Вова не годится. Он патологически честный и порядочный, у него все на лице крупными буквами написано. Если увидит, что главбух мухлюет, то не сдержится и покажет ему свое отношение. Вспугнет, а потом

будет оправдываться: я же ничего не сказал...

У Валеры на лице всегда доброжелательная улыбка. Догадаться, о чем он думает, не дано никому. Поэтому в офисе у клиентов сидит обычно Валера, а Володя работает над тем, что Валера в клюве принесет: базы данных, сводные таблицы, циферки всякие. И вытаскивает из них такое... Клиент, который обычно старается дать минимум информации, потом диву дается, откуда мы все знаем.

Можно было бы послать Валеру завтра. Шеф так бы и сделал. Но я решила подождать: пусть денежки на счет упадут.

А вот сама я начну работать сегодня же. Поезжу по торговым точкам, посмотрю, поговорю с персоналом. Заодно конкурентов объеду, список я уже подготовила. В среду встречу с Корн, представлю ей план работы, а заодно поражу знанием ее дел и конкурентной среды. Пусть чувствует, что не зря деньги платит.

Просмотрела я почту, ответила на письма, выпила кофе с ребятами, и отправилась в подмосковную Жуковку. Там располагался самый большой магазин «Флоры». По дороге заехала, переделалась: строгий офисный костюм как-то не монтировался с ландшафтным дизайном. Джинсы с ковбойскими сапогами смотрелись более к месту. Так можно даже поверить, что я выбираю растения

для своей дачи. Джинсы, рубашка, шейный платок, и особенно ковбойские сапоги — тот наряд, который я люблю больше всего.

По дороге в Жуковку я успела повстречать столько умопомрачительных автомобилей, что как-то начала стесняться своей старушки. А когда припарковалась у «Флоры», то одного взгляда на стоянку хватило, чтобы осознать: мне тут делать нечего. Но я храбро вошла в торговый зал.

Я бываю в таких магазинах, и даже люблю в них бывать. Запах земли и цветов меня опьяняет. Названия растений звучат как заклинания: Дицентра Спектабилис, Хионодокса, Аквилегия, В таком заведении я могу проторчать пару часов, обсуждая с продавцом, какие многолетники будут хорошо расти на моем участке, потом купить десяток луковичек и пару резиновых перчаток, и получить от этого необыкновенное удовольствие.

Здесь в красиво оформленном зале вяло прогуливались три покупателя, вернее, покупательницы. Продащиц было гораздо больше, но они в основном кучковались у кассы и с клиентами не работали. Меня тоже не заметили. Я обошла зал, обращая внимание на цены. Ого! Неслабо! По сравнению с нашей Белой Дачей все в пять-семь раз дороже. В глубине была открытая настежь дверь, за ней виднелся двор, уставленный

как растениями, так и садовой скульптурой. Я прошла туда.

Так я и знала. Скульптура была по большей части на редкость кичевая: ангелочки, вазоны с плодоовощной продукцией, древнегреческие барышни с кувшинами, и прочая дребедень. Причем мраморные работы выглядели не лучше алебастровых и гипсовых. Они стояли кучно, и это почему-то наводило на мысль о кладбище. Выставка кустарников и деревьев выглядела привлекательнее. Еще бы, творения природы не бывают бездарными, они мне всегда казались более талантливыми, чем произведение рук человеческих.

Я вернулась в зал, и еще раз обошла все стеллажи, теперь уже обращая внимание на ассортимент. Хорошо, что я опытный садовод. Я пришла к выводу, что большинство многолетников — это так называемые экзоты, совершенно не приспособленные к нашим условиям. Тут расчет такой: растение высаживают, оно живет сезон и погибает, а хозяин покупает новое такое же. Я это воспринимаю как недобросовестность продавца. А здешним жителям наплевать, им главное — чтобы было дорого и престижно. Представляете себе престижные кусты?

Ладно, все тут более-менее понятно. Подробности узнаю из прайс-листов и отчетов о продажах. Надо глянуть, как в других местах. Я

двинулась к выходу.

Вот только тут ко мне подошла долговязая продавщица. Смерив меня взглядом, она спросила, подобрала ли я что-нибудь для себя. Причем в ее тоне звучало: ну, для таких, как ты, в нашем крутом магазине нет ничего. Я ответила, что смотрела, нет ли чего-нибудь новенького, но не нашла ничего интересного. Она уже собралась мне что-то сказать, судя по выражению лица, не слишком любезное, но вдруг оставила меня и вытаращилась на машину, подъехавшую к магазину. Точнее, не на машину, а на три машины: «Бентли» и два Хаммера. Кто-то очень важный подъехал, и я перестала для нее существовать.

Из одной машины не вышел никто, из двух других появились трое мужчин. Один явно хозяин, два других — телохранители. Стоп, хозяина я явно знаю в лицо, но не могу сообразить, кто это.

Все трое вошли в магазин, но далеко проходить не стали. Хозяин махнул рукой, и из подсобки выбежала еще одна продавщица. Или это уже менеджер? На ней не было униформы, красивый костюм выдавал местное начальство. За ней шел хмурый мужик и нес букет такого размера, что я с трудом представила себе подходящую для него вазу. Один их охранников осмотрел цветы и показал мужику на машины — мол, неси туда. А хозяин ласково улыбнулся тетеньке и сказал

хорошо поставленным голосом:

— Спасибо, Галина Ивановна. То, что надо.

И тут я его узнала. Виктор Егоров. Как его там, Виктор Андреевич? Он самый. Легок на помине.

Только меня им запугали, он тут как тут. Зачем? Понятно, ко мне это не имеет никакого отношения, он обо мне и не слышал никогда. Заехал за цветами. А с другой стороны, это знак. Только чего? Ой, Коноплянникова, ты становишься суеверной.

Смотрится он неплохо. Моложе, чем на фотографиях или в телевизоре. Симпатичнее. Светлый костюм, нежно-голубая рубашка без галстука, ботинки из буйволовой кожи — все неброское и стильное. Когда он проходил мимо, до меня донесся легкий запах его туалетной воды. Очень даже приятный. Вкус у него есть.

Это мне сообщила моя сознательная половина. А бессознательная задрожала как овечий хвост. Не знаю почему, без всякой рациональной причины. От господина Егорова исходит угроза. Не мне конкретно, но всему, что встанет у него на пути. Я это кожей ощутила. Его появление живьем подействовало на меня сильнее всех уговоров Листвянского.

Пока я стояла в ступоре, Егоров и сопровождающие развернулись и вышли. Он

скользнул по мне взглядом, даже не увидев. Здесь я значила не больше, чем горшок с цветком.

Как только они уехали, я не стала мешкать, села в машину и рванула в противоположную сторону, благо мне туда и надо было.

Я гнала свою девочку, пока не въехала в собственный двор. До конца рабочего дня было еще часа полтора, зря я сюда приехала. Надо взять себя в руки и посетить еще один магазин «Флоры де Люкс», или любой другой того же профиля. Но я не могла себя заставить. Дурацкая встреча полностью выбила меня из колеи. Я-то считала себя разумной особой, не подверженной панике, а тут была налицо именно паника, причем абсолютно нерезонная, не имевшая под собой рациональных предпосылок, если не считать предупреждения Григория Константиновича.

Но и он не привел никаких обоснований. Воровство коммерческого директора никак не может быть связано с отношениями Егорова и его бывшей пассии. Где имение, где наводнение...

Ладно, если я не в состоянии сейчас работать, значит, пойду домой, и завтра начну с новыми силами. Не встретится же мне этот господин Егоров и завтра?!

Дома я застала развеселую компанию студентов: и сын, и дочь навели приятелей. Мне все обрадовались, попробовали угостить сосисками. Я

сначала отнекивалась, а потом и сосиску съела, и пива выпила. Поговорила с ними о том, о сем, отвлеклась и успокоилась. Оставила молодежь веселиться на кухне, а сама забралась под плед. Читать не хотелось, я включила телевизор. Шел какой-то боевик. Я попала на середину. Незнакомые мне люди бегали и стреляли, угадать при этом, кто прав, кто виноват, кто хороший, а кто плохой не представлялось возможным. Посмотрев минут десять, я поняла, что разобраться в сюжете мне не дано. Начала щелкать пультом. На других каналах тоже все было маловразумительное. На «Культуре» шел фильм про животных. Я уже обрадовалась, но он быстро закончился. Вообще-то стоило включить видик, посмотреть какую-нибудь старую комедию, но лень было вставать.

В результате я нашла на канале «Спорт» повтор какого-то матча между «Арсеналом» и «Барселоной», и смотрела его. Через некоторое время я заметила, что на полу перед телевизором скопилось человек пять, и тоже смотрят футбол. Моих детей среди них не было. Откуда взялись? Я и не слышала, как пришли. Вот в таком единении с молодежью провела я вечер. Хорошо, что футбол закончился, и они так же тихонько ушли. Потом еще какое-то время на кухне гремела посуда — народ пил чай.

Потом стали хлопать входные двери, а затем

все стихло. Нашествие закончилось. Зато ко мне пришла моя дочь с претензиями. Зачем это я футбол включила. Их, видите ли, бросили мальчишки. Ушли ко мне футбол смотреть.

А Сережка? Сережке нравится Маша, а этот матч он уже видел.

Я отмела все ее инсинуации. Сами виноваты. Если мальчишки предпочитают вам футбол, при чем тут я?

Попкирировались мы так с дочкой ... Тут вернулся Сережка, который ходил провожать Машу, а заодно и всех остальных. Кооптировали Сережку, начали спорить, потом хохотать, и ржали, как дикие лошади, почти до полуночи.

Я и не заметила, как заснула.

А утром неприятное чувство от встречи с Егоровым почти испарилось. Я позвонила Сергею Ивановичу, сказала, что приеду после обеда, и галопом помчалась по торговым точкам «Флоры» и ее конкурентов. Хорошо, что у нее задействовано всего три направления: Запад, Юго-запад и Северо-запад. Западная, можно сказать, компания. Я посетила еще три «Флоры» и пять других магазинов. По ходу дела кое-что купила, не болтаться же просто так. Отоварилась летниками в торфяных горшочках, несколькими корешками рудбекии, подушкой красной камнеломки и можжевельником. Все это купила не во «Флоре»,

естественно. Я не сумасшедшая.

Цветы погрузила в багажник. Наблюдения записала в блокнот. Сейчас они мне пока не нужны, а на финальной стадии понадобятся. Помогут толковать цифры.

На работу приехала часам к трем. Меня ждали: в своем кабинете Сергей Иванович поил кофе мою знакомую гориллу.

— Здравствуйте, Анатолий Петрович, — ласково поздоровалась я, — Чему обязана?

Тот медленно встал и, не отвечая на приветствие, очень задушевно проговорил:

— Надежда Николаевна, я могу с Вами побеседовать в приватной обстановке?

— Да пожалуйста, Анатолий Петрович, сколько угодно. Только можно я почту просмотрю, пока Вы кофе допьете. Жду важное письмо, на него надо срочно ответить, а меня с утра не было, знаете ли.

— Знаю, я Вам звонил. Мне сказали, что Вы будете после обеда, ну, вот я и приехал.

Потрясающе. Мужик прямо на себя не похож. Что там стряслось такое, от чего он сюда прибежал, как борзый конь? Разговаривает со мной, как будто я ему мама родная...

Рано, вроде бы. Мы же еще работу не начинали.

Я отправила его в переговорную, велела

Ирочке подать нам чаю с печеньем, а сама бросилась в свой закуток. Глянула почту — ничего срочного. Тогда я села и постаралась сосредоточиться. Не зная, с чем пришел Овсянников, трудно заранее выстроить линию поведения. Придется импровизировать, а в этом я не сильна. Главное не выдать, что я уже работаю по проекту. Значит, так. У нас крупный заказ в Питере, поэтому я не собираюсь особо углубляться в дела «Флоры». Пусть мужик успокоится, и надо успокоиться самой.

Я еще потянула время: сходила в туалет, поправила прическу и макияж, дала руководящие указания Ирочке, и только после этого вошла в переговорную.

Расчет оказался верен. Кинг-Конг сидел как на иголках. А чем больше он будет взвинчен, тем легче примет любую ерунду, призванную его успокоить.

— Итак, Анатолий Петрович, что там у Вас стряслось?

— Ничего, Надежда Николаевна, ровным счетом ничего. Но Вы завтра приступаете к работе у нас, и я хотел бы кое-что для себя прояснить.

— Спрашивайте.

— Что от меня потребуется?

— Ничего. Обычно мы не сталкиваемся в работе с коммерческими директорами. Все, что

может нам понадобится, мы получим у главного бухгалтера. Ведь все контракты, по которым вы продаете и покупаете, проходят через него?

— Естественно.

— А если что-то понадобится, я спрошу у Ларисы Юрьевны.

— Вы понимаете, Лариса Юрьевна у нас девушка молодая и красивая..., - тут я вытаращила глаза с выражением крайнего недоумения.

— И что же?

— Она только номинально руководит компанией. Вернее, она является ее владелицей. А делами занимаюсь я. Так что по любому вопросу я Вас призываю обращаться ко мне.

Я не стала изображать удивление.

— Отлично. Значит, буду обращаться к Вам. С завтрашнего дня у Вас будет работать наш аудитор. А я присоединюсь к нему несколько позже. Наверное, в понедельник. К тому времени у меня уже будет готов план работы.

— Какой план?

— Я смогу назвать исследования, которые надо будет провести, и информацию, кроме бухгалтерской, которая понадобится. Потом сформулирую вопросы, на которые необходимо получить ответ. Думаю, Ваш случай не из сложных. Скорее всего, тут нужна реорганизация.

— То есть, Вы уже делали подобную работу?

— И не однажды. Мы предлагали реорганизацию нескольким клиентам. Те, кто на это пошли, остались довольны. Если в этой компании делами заправяете Вы, то тем лучше. До Вас мне будет легче довести свои идеи, чем до Ларисы Юрьевны. А там уж решайте сами.

— Спасибо, Надежда Николаевна, за время, которое Вы мне уделите. Мне все теперь ясно. Мы с Вами плодотворно поработаем.

Все! Ура! Мужик расслабился. Он уверен, что перевел меня в свой стан. Что я буду есть у него из рук.

Анатолий Петрович откланялся, а я побежала к Сергею Ивановичу.

— Ну что, какое впечатление? Как Вы думаете, зачем он приходил?

— Все очень странно. Я не снимаю своего первоначального диагноза. Он ворует вкупе с главным бухгалтером. А сюда прибежал прощупать почву и, возможно, заручиться Вашей поддержкой. Причем прибежал не сам, а его прислали.

— Кто?

— Главбух, кто же еще?! Они хотят завязать на себя все каналы, по которым к Вам будет поступать информация. Но тут есть еще что-то.

— Что?

— Не знаю, голубушка. Знал — сказал бы. Теперь надо ждать, что принесет в клюве наш

Валера. Может, из его цифр что-то прояснится.

— Будем надеяться.

— И еще, Надюш. Возможно, Вам это покажется ерундой, но хочу обратить Ваше внимание. Этот, как Вы его окрестили, Кинг-Конг — любовник Вашей клиентки.

— Вы уверены?

— Я стреляный воробей, меня на мякине не проведешь. Есть признаки. Знаю, Вам он неприятен, поэтому Вы такого и представить себе не можете.

— Не могу, это Вы точно подметили.

— Так вот. Будьте осторожны, не нападайте на него сразу. И не сдавайте его клиентке раньше, чем у Вас будут стопудовые доказательства.

— Я поняла. Буду молчать как рыба, пока не уясню всю картину.

— Вы когда к ним собираетесь?

— Не раньше понедельника. Пусть сначала Валера принесет исходные данные.

— Вот и хорошо. Не забивайте пока голову. Посмотрите лучше, что наш Андрей прислал по питерскому проекту.

Я поблагодарила и пошла на свое место. Открыла письмо шефа — к нему были прицеплены файлы в совершенно неприличном количестве. Скачала их в новую папку и начала просматривать. Ого! Такого клиента у нас еще не было. Работы

море, Валера с Вовой вдвоем не потянут. Надо будет кого-то в Питер посылать, лучше двоих. Может, и самой придется съездить. Хорошо хоть, сроки разумные. Грядет лето, и они не хотят из-за нашего обследования откладывать отпуска. Большая часть работы выпадает на осень. Зато первые деньги можно будет получить уже в июле. И до конца года не волноваться о новых заказах.

Я стала разбирать присланную информацию, по ходу дела продумывая план. Завтра придет шеф, хорошо бы его встретить с конкретными деловыми предложениями.

Когда я закончила, оказалось, что время позднее. Сергей Иванович ушел. Ну ничего, с утра покажу ему свои наметки.

Поехала домой. Пробки уже рассосались, дома я оказалась быстро. Сережка встретил меня радостными воплями: он сдал все зачеты и допущен до экзаменов. Катерина проявила свои чувства более сдержанно. Она была на консультации, и преподаватель определенно сказал, что экзамен ей будет зачтен «автоматом». На радостях она сделала пиццу, так что есть, чем поужинать. Отлично, а то у меня уже сил нет.

Пицца оказалась на редкость вкусная: Катерина готовит не хуже меня, а иногда и лучше. Настоящая внучка своей бабушки. У той самые простые блюда выходят так, что у вкушающих от

восторга на глазах появляются слезы.

Поев, я рухнула на свой диван. Спать хотелось невероятно. Постелила, укрылась, выключила свет... И начала в голове перебирать все, что было за последние две недели. Просто наваждение какое-то! Сна ни в одном глазу!

Мучилась я так часа три, вставала, пила воду, пыталась читать, чувствовала, что засыпаю, откладывала книгу, и снова не могла заснуть. Потом все же Морфей надо мной сжалился, и я увидела сон.

Снилось мне, что я приехала в красивый дворец где-то за границей. Больше всего место напоминало Шенбрунн. Вылезаю я из машины, а ко мне направляется господин Егоров. Улыбается, ведет во дворец и предлагает показать мою комнату.

Я соглашаюсь, поднимаюсь вместе с ним по лестнице. Перед нами большая белая дверь украшенная золотом. Дверь отворяется, и я лечу куда-то в темноту. Попадаю в какой-то каземат. А в нем уже сидит моя Катька. Она шепчет: «мама, тихо»!.. и тянет меня за собой. Я ползу по низкому темному тоннелю, там душно и тесно. Ползу сначала вниз, потом вверх. Я начинаю задыхаться, и вдруг вылезаю на вершине горы. Вокруг ни одного строения, никаких следов пребывания человека. Я стою среди огромных валунов, ниже

расстилаются луга и леса. Солнышко ярко светит, а вместо моей дочери Лариса Юрьевна смеется.

Этого я не выдержала и проснулась.

Солнце действительно заливало всю комнату. Я шторы забыла задернуть. Пора вставать.

На работу приехала рано. Надо созвониться с главным бухгалтером «Флоры», проинструктировать Валеру, и отправить его на добычу.

Потом можно будет со спокойной душой дожидаться шефа.

Валера не заставил себя ждать. Я вручила ему список данных, которые будут нужны в первую очередь. Их нужно скинуть на съемный жесткий диск. Диск этот хранится у меня в сейфе, поэтому пришлось его торжественно вручить. Если не все есть в электронном виде, то придется все данные занести в таблицы вручную. Сделать это надо сегодня-завтра. Потом пусть занимается аудитом как обычно.

Валера смотрел на меня обиженно. Можно подумать, он в первый раз, ничего не знает. Не беспокойтесь, дорогая Надежда Николаевна, все сделаем в лучшем виде.

— Бога ради, Валера, не задавай там лишних вопросов.

— Обижаете, Надежда Николаевна, я свое дело знаю. Вопросы Вы будете задавать.

— Ну, прости меня, я что-то в этот раз волнуюсь больше обычного. Вечером позвони, расскажешь, как тебя приняли.

— Обязательно.

Я отправила Валеру и засела за питерские материалы. Попыталась их систематизировать. За этим занятием меня застал мой шеф. Оказывается, я по нему соскучилась!

— Ой, Надежда, как же я по тебе соскучился! — выпалил шеф, обнимая меня и целуя в щеку, — и как же мне тебя в Питере не хватало! Ну ничего, еще съездим вместе. Ты расскажи, как тут без меня с Ларисой управлялась.

— Расскажу, только давай не при народе.

Я встала и пошла в его кабинет. Шеф за мной. Проходя мимо Ирочки, я велела принести нам кофе с молоком. Шеф другого не пьет, я тоже люблю с молоком.

Мы сели, дождались кофе, закрыли дверь, и только после этого я приступила к рассказу. Постаралась ничего не упустить. Рассказала даже о встрече с Егоровым в Жуковке. Единственное, о чем умолчала, это о своем приступе иррационального страха. Рассказ о Егорове шефа не насторожил. А вот информация о коммерческом любовнике вывела Андрея из себя. Он прокомментировал: «Гадюка!»

Мне стало смешно. Но смеяться не следовало,

еще неизвестно, как может шеф отреагировать. Я наступила на горло собственной песне, закончила рассказ, а потом предложила позвать Сергея Ивановича. Пусть он изложит то чему был свидетелем. Например, визит господина Овсянникова. И даст свои комментарии.

Сергей Иванович был немногословен. Сформулировал кратко свои выводы, как делал это для меня, порекомендовал действовать осторожно, и удалился.

— Ну, что делать будем, дорогая моя Надежда? — произнес шеф задумчиво.

— Ждать-с, что же еще — в тон ему ответила я, — Все равно без информации от Валеры мы делать ничего не можем. Так что пока не бери в голову. Ты лучше скажи, из Питера материалы привез, или есть только то, что на «мыло» сбросил?

— За что я тебя люблю?! — возгласил шеф, — За конструктивность!!! Конечно, привез! Море материалов! Целый жесткий диск!!!

— Ну и отлично. Будем пока работать с тем, что есть. Тем более, что и деньги там другие. Завтра все разберу, подключу Вову, посмотрим, что удастся вытянуть. И к тому моменту, как переведут первый платеж, мы будем готовы к ним ехать с готовыми планами и разговаривать вполне конкретно.

— Надь, что бы я без тебя делал?

— Не знаю, дорогой. Помер бы, наверное.

Я забрала жесткий диск, который шеф вынул из своего портфеля.

— Пойду посмотрю.

И в это время затрезвонил мой мобильник. Катя.

— Мамочка, выезжай скорее, я жду тебя в нашем ОВИРе. Очередь подойдет где-то часа через полтора...

— Еду, — сказала я коротко.

Повернулась к Андрею:

— Выручай дорогой, мне срочно надо в ОВИР. К дочке парень приезжает из Бельгии, надо сделать ему приглашение.

— Нет проблем. А с материалами что делать будешь?

— Спрячу пока в сейф. Если успею, сегодня вернусь и поработаю. Если нет, то завтра с утра.

Все-таки хороший у меня начальник. Могла бы и не отпрашиваться, он бы слова не сказал. Его интересует только результат. А с этим со мной проблем нет.

Вот Ирочке отпрашиваться трудновато: от нее хотят не результата, а присутствия.

* * *

Несмотря на то, что ОВИР от нас не так уж

далеко, я ехала все полтора часа, которые мне отпустила Катька. По пустым улицам добралась бы минут за пятнадцать — двадцать, но где они, эти пустые улицы? Так можно доехать только ночью, но ночью ОВИР не работает.

Когда я вошла в тесный коридор, Катерина сидела под дверью. Сидела как на иголках. Еще бы, а вдруг мать опоздает и очередь пропадет?

Мое появление вызвало у нее дикое ликование: наша очередь была следующая. Оказалось, с этим приглашением мочалка страшная: уже достоявшись до инспектора, мы проторчали в ОВИРе около двух часов: нас посылали то в один кабинет, то в другой... Наконец приглашение было оформлено, как положено, и готово к отправке.

Рабочий день как раз должен был закончиться, когда мы вышли на вольный воздух. На меня присутственные места действуют угнетающе. Такое ощущение, что стены там выпивают из тебя все соки, а самый воздух не пригоден для дыхания. Если можно их избежать, я так и делаю. А если, как сегодня, все же приходится в них провести какое-то время, то потом меня хоть на помойку выбрасывай: я никуда не гожусь.

Поэтому, добравшись до дома, я даже не стала ужинать. Сразу легла и достала из-под подушки роман. Надо отвлечься, тогда полегчает. Катюшка,

зная эту мою особенность, сама приготовила ужин: поджарила котлетки, нарезала огурцы, лук и редиску, залила все это сметаной и принесла мне.

— Мам, я завтра отправлю приглашение.

— Обычной почтой?

— Да не почтой, конечно. Почта опоздает. Ну, есть же у нас курьерские службы.

— Правильно, молодец.

— Да, не забудь, с утра мы едем в консульство. Не беспокойся, все документы у меня.

Про консульство я совсем забыла. С утра собиралась посмотреть питерские файлы. Тогда надо бы сейчас на работу съездить. Взять жесткий диск и лэптоп и поработать ночью дома. Ладно, сделаю это завтра. Не горит. А сейчас почитаю немножко, и спать.

Но спать не пришлось. Позвонил Женя, долго нудил, что мы стали редко видеться. Потом мама решила выяснить, как у внуков протекает сдача сессии. К ним самим она приставать не решается, донимает меня. За мамой следом позвонил Димка, снова благодарил, и предложил съездить на выходные за город. Я отказалась, сославшись на то, что пора родителей перевозить на дачу. А в это мероприятие он никаким боком не вписывается. Соврала. Родителей я еще немножко подержу в городе. Договорились попить кофе в воскресенье.

Следом позвонил Валера. Голос у него был

радостный. Сказал, что все в порядке, все материалы ему предоставили, и он нашел кое-что интересное. Не будет пока говорить что. Надо, во-первых, все проверить, а во-вторых, он надеется найти не только это.

— Они даже не поняли, что я там заметил. А я и вида не показал. Одно скажу, диагноз наш подтверждается. Первичной работы еще много, так что ждите меня в пятницу.

— Молодец, Валера. Я всегда в тебя верила. Глаз у тебя правильный. Если что есть, ты обязательно найдешь.

Мы распрощались очень довольные друг другом.

Когда я уже обрадовалась, что все звонки закончились, позвонил Листвянский.

— Наденька, как Ваши дела?

— Спасибо, Григорий Константинович. У меня все в порядке, — сказала я железным голосом.

— Вы уже начали работать по заказу Ларисы Юрьевны?

— Начали. Сегодня. Я послала к ней аудитора.

— И как?

— Пока рано о чем-то говорить. Я еще ни одной цифры не видела. Но, по-моему, особых трудностей не предвидится. Да что Вы так беспокоитесь? Мы работаем, кажется, не первый день.

— Я волнуюсь за Вас, Наденька. Ведь это я втравил Вас в эту историю с госпожой Корн.

— Можно подумать, Григорий Константинович, что она, по меньшей мере, крестная мать мафии. Не волнуйтесь, мне ничего не угрожает. По-моему, ситуация типичная. Так что все будет хорошо.

— Мы с Вами увидимся? Я бы хотел пригласить Вас куда-нибудь...

— В ближайшее время я буду очень занята.

И что он ко мне привязался? Не хватает девочек? Тетеньку захотелось? Не буду я с ним встречаться, опять за коленки хватать начнет.

— Ну что ж, позвольте мне справляться, как идут у Вас дела.

— Буду рада.

Мы мило распрощались. После этого звонка я какое-то время пребывала в недоумении. То ли Гриша решил взять меня измором, то ли у меня мания величия, и все эти знаки внимания не относятся к моей божественной красоте, а связаны с какими-то другими соображениями. При здравом размышлении я готова была предположить второе. Но что Листвянскому в этой Ларисе Корн? Она ему не мать, не жена и даже не любовница. Так, не слишком близкая знакомая. Тут я склонна ему поверить. В чем же дело?

Недостаток информации не позволил мне

сделать вывод, но я решила постараться вписать Григория в общую картину, когда буду ее собирать из разрозненных кусочков.

Я продолжала думать о Григории Константиновиче в связи с «Флорой де Люкс» и наутро, стоя с детьми у консульства Бельгии. Катька носилась колбасой, суетилась, бегала в Сбербанк платить какие-то деньги, а я думала. Наверное, поэтому я даже не заметила, как мы его уже покинули. Надо было переждать два часа, чтобы явиться за ответом: дают нам визу сразу, вызывают на собеседование, или отказывают.

Это время мы просидели в кафе. Катька с Сережкой, как обычно, то переругивались, то принимались хихикать. Я все еще думала, сопоставляя все, что знала. Было у меня чувство, что в паззле не хватает одного элемента. Ну, максимум, двух.

Только когда любезный клерк сообщил, что мне виза выдана, сыну тоже, а дочери надо пройти собеседование, я пришла в себя. И стала думать уже о визе. Бред какой-то! Чем Катерина хуже Сергея? Оба не раз бывали за границей, я регулярно их вывозила отдыхать. Так почему ей не дали визу сразу? Хотя, с другой стороны, и не отказали...

На работу я добралась около трех. Шеф сделал большие глаза, но ничего не сказал. Я тоже

промолчала. Села за свой компьютер и принялась за дело. За вчерашний вечер и сегодняшнее утро мне навалило кучу писем на «мыло». Штук сорок, если не больше. Пришлось начать с сортировки. На два я ответила, четыре прочла и сохранила, отвечу позже, а остальные радостно грохнула.

И только я это проделала, как по внутреннему телефону позвонил шеф:

— Тебя тут полдня с собаками разыскивают. Где ты была?

— В консульстве. А если я так нужна, почему не позвонили на мобильный?

— По нему ты не отвечаешь!

— Ерунда, он у меня включен постоянно! — я полезла в сумку, достала мобильный и проверила. У меня звук звонка негромкий, зато вибрация такая мощная, что трясется все вокруг в радиусе трех метров. Не заметить ее я не могла. Неотвеченных вызовов не значилось.

— А кто там меня разыскивал?

— Главный бухгалтер «Флоры», Владлен как-его-там, не запомнил отчества.

— Шеф, не бери в голову, я сама с ним разберусь. Валера, кстати, не звонил?

— Нет, он не звонил.

— Ну и отлично. Я сегодня заберу твои питерские материалы домой, покумекаю...

— Бери, конечно, — голос шефа заметно

повеселел, — завтра мы сможем их обсудить?

— Не знаю пока, но постараюсь. Ладно, у меня дел по горло. У тебя, думается, тоже.

Я повесила трубку и набрала Валеркин номер.

— Валера, как дела? Меня тут, говорят, Владлен Михайлович разыскивал.

— Да, Надежда Николаевна. Хотели у Вас один вопросик провентилировать. Но обошлись.

— Значит, я не нужна?

— Спасибо, помощь не требуется.

— Завтра Вы где?

— С утра приеду в офис. Продолжу аудит на следующей неделе.

Я попрощалась.

Что там было? Видно, Валера попросил информацию, которую главбух давать не хотел. Интересно, в результате дал, или нет?

Я вытащила HDD из сейфа, подключила к ноутбуку и начала просматривать файлы.

Такое впечатление, что шеф скачал всю бухгалтерию заказчика за последние два года. А что, такое возможно, он не раз это проделывал с другими. Я с головой углубилась в работу. В таком состоянии я ничего не вижу и не слышу.

Около девяти обратила внимание, что осталась в офисе одна. Судя по чашкам, Ирочка три раза приносила мне чай. Как я его пила, не помню. Да и от работы оторвалась потому, что голова

заболела и перестала соображать. Это верная примета, что пора подкрепиться.

Я сложила лэптоп и HDD в портфель, повыключала везде свет, и отправилась домой. Решила, что поем домашнего супчика. Глупая идея. Надо было сразу ехать в какую-нибудь едальню: «Му-му», «Елки-Палки», или что-то в этом роде. Была бы хоть сыта. А так я голодная и злая торчала в пробке до половины одиннадцатого. И кто это ездит по городу так поздно?

Домой ворвалась как ведьма на помеле. Бросилась к холодильнику и сунула в рот плавленый сырок. Теперь можно успокоиться и что-то приготовить на ужин. Хорошо, еще суп гороховый со вчерашнего дня остался. Я нагнула большую миску и пришла в приятное расположение духа. Сделала себе два огромных бутерброда и пол-литровую чашку чая и пристроила лэптоп прямо на диване. Писать я не собиралась, а читать и работать с таблицами можно и лежа. Чай с бутербродами предусмотрительно поставила на табуретку: мало ли что. Лэптоп мой собственный, хотя и его жалко, а жесткий диск казенный.

Утром я проснулась в объятиях ноутбука. Даже не отключила его, заснула прямо над открытым файлом.

Чай был выпит и бутерброды благополучно съедены.

Когда это я заснула? И сколько к этому моменту успела сделать? Я заволновалась. Сегодня надо хоть что-то показать шефу, оправдаться за среду и четверг.

Пришлось спросонок просматривать готовые таблицы и быстренько соображать, что к чему. Оказывается, все не так плохо. Осталось всего ничего. На автопилоте удалось довольно много поработать. К полудню будет что передать Вове, а совещание с шефом можно назначать на три.

В пожарном темпе я позавтракала и вылетела, как наскипидаренная. До работы добралась в рекордные сроки. В офисе, естественно, еще никого не было, значит, все успею.

И бросилась в цифры с головой.

Ирочка даже не переключала на меня звонки, хотя они шли сплошным потоком. Умница, знает, что в этом состоянии меня лучше не трогать. Сергей Иванович звал пить чай — я только рукой махнула. Приехал Валерка, подошел, стал делать знаки. Я замотала головой: потом, потом. А в полдень я с гордостью констатировала: можно передавать все Вове. Пусть доводит до ума.

Переслала Володе подготовленные файлы и свои замечания со списком вопросов. Все. Теперь можно и чаю попить.

Я вылезла из своего закутка и прошла на кухню. Там уже собрался народ: по пятницам наши

ребята на договорах приносят Сергею Ивановичу отчеты. Мне обрадовались, налили чаю, вручили кусок торта, который следовало съесть за здоровье некой Светланы Игоревны. Она у нас всего два месяца, я ее до сих пор не знала, хотя пару раз видела. Пришлось сказать речь и сходить на рабочее место. В нижнем ящике стола у меня запас полезных сувениров на все случаи жизни. Я вручила Светлане красивую гжельскую кружку с ложкой. Она не ожидала, попыталась сказать ответное слово, растрогалась до слез и замолчала. Нормальная приятна женщина. Надо будет у Сергея Ивановича узнать о ней поподробнее, на питерский проект нам понадобятся люди.

После этого корпоративного междусобойчика я собиралась подойти к Валере, но он сам уже ждал меня в моем отсеке.

— Надежда Николаевна, я все понял. Даю Вам все исходные, Вы сейчас тоже поймете.

— Давай, Валер, где твои таблицы?

— На сервере в общих папках, где же еще.

— Кстати, а что там была за проблема с главбухом?

— Я попросил данные за прошлый год, а он не хотел давать. Рвался с Вами поговорить.

— И что?

— Дал, разумеется, когда я пообещал, что ты это обсудишь с Генеральным директором.

Я нашла папку с надписью «Флора», открыла и углубилась в таблицы. Валерка стоял над душой, заглядывая через плечо. Я махнула ему рукой, чтоб сел и не мешал. Но его распирало, он, как борзый конь побежал на кухню и принес кружку чая. Сидеть спокойно было выше его возможностей.

Очень скоро я увидела, почему ему не сидится. В бухгалтерской отчетности эти данные были разнесены далеко, и казались совершенно не связанными. А тут, сведенные в одну таблицу, просто били в глаза.

— Ну, Вы увидели? Увидели?

— Увидела, увидела... Только что теперь делать, непонятно.

— Надо бы вызвать сюда вашу Ларису Юрьевну, все ей показать и объяснить. Пусть сама решает.

— Не торопись, мой золотой, сначала нам нужна дополнительная информация.

— Какая еще информация, тут же ясно видно, что под фирму копают, и скоро этой госпоже Корн придется все продавать в убыток себе.

— А кто копает, ты выяснил? Какова его цель? Каким боком здесь задействованы ее коммерческий директор и главбух? Что за банки, где пропадают ее денежки? И чем нам все это грозит?

— ?

Валера опешил. Последний вопрос его добил, он вдруг увидел всю картину в другом свете.

— Надежда Николаевна, родненькая моя, а нам что-то может грозить?

— Не знаю, мой дорогой, не знаю... У тебя есть реквизиты всех их контрактов?

— Есть. В файле Contr_revisit.

— Молодец. Теперь делай свою работу как всегда, а я займусь выяснением всех обстоятельств. Пробью фирмы и банки по базе данных, позвоню кое-кому. А ты иди пока, работай.

Но Валера не уходил. Он стоял рядом и тяжело дышал, собираясь с мыслями. Потом задумчиво произнес:

— Это что же, у нас тут целый детектив получается?

— Ты хочешь сказать, не ожидал, что у нас такая интересная работа?

— Точно.

— Признаться, я тоже. Ладно, выпутаемся как-нибудь. Вот не хотела я брать этот заказ, и была права тыщу раз!

— А Вы что-то знали?

— Скажем так, догадывалась. Спинным мозгом чуяла, что ждут нас неприятности. Как эту Ларису увидела...

— Да неприятная бабенка.

Интересно, Валера не запал на такую красоту?

— Она тебе не понравилась? Ведь красивая.

— Даже очень. Но неприятная. Знаю я таких красавиц. Такая вся нежная и удивительная, сюси-пусси, а внутри стальная акула. Зубастая и безмозглая. Один хватательный инстинкт.

— А ты откуда знаешь?

— А у меня дома такая есть. Не подумайте, сестра родная. Младшая. Была нормальная девчонка, в техникуме училась, подалась в фотомодели, и теперь все! С ней общаться невозможно. Кроме денег, никаких интересов, а мужчин воспринимает как кошельки на ножках. Со мной, как с братом, делится. Застрелиться из кривого ружья! Подружки к ней ходят такие же. У них мужчины начинаются с директора банка, не меньше. Доход должен быть такой, чтобы в ресторане сразу тратить пять — семь тысяч долларов, а потом давать на мелкие расходы три раза по столько. Это в их среде и есть «любовь»! Я для них никто, «бухгалтер, милый мой бухгалтер»! Хотя Вы знаете, я неплохо зарабатываю. Многие счастливы иметь хоть одну четверть моей зарплаты. Я сначала переживал, одна мне очень даже нравилась, а теперь перестал. Получил прививку на всю жизнь. Теперь модельные красотки для меня как рвотный порошок.

— Что ж, для работы удачно. Теперь тебя можно куда угодно посылать, никакая модель тебя

не обойдет. Ладно, иди, трудись.

Вот и разъяснилась одна несуразность. Сам Валерка высокий, симпатичный, можно даже сказать красивый. А девчонки у него одна другой страшнее. Видела я их несколько раз, и все дивилась такой диспропорции. А тут, оказывается, выстраданная жизненная установка. Девчонки, хоть и страшенькие, но славные. Жаль только, что он меняет их, как перчатки.

Все, хватит о Валерке, у меня сейчас дела поважнее.

Я спросила у Ирочки:

— Шеф здесь?

— Андрей Викторович на месте. Только что пришел.

— Соедини, моя хорошая.

Шеф мгновенно схватил трубку, как будто караулил у телефона.

— Надь, ты? Есть новости?

— Есть. Ты не волнуйся, все пока в порядке, ничего ужасного не стряслось.

— Мне вчера звонил Листвянский и пугал.

— Меня тоже. Но я не из пугливых. Давай сначала разберемся с питерцами, тут есть что рассказать и показать, а потом обсудим нашу Ларису Юрьевну. Валера нарыл кое-что интересное.

— Очень интересное?

— Достаточно для того, чтобы понять: надо быть идиотом, чтобы с ней связываться.

— Ну, я уже давно понял свою ошибку! Каюсь и извиняюсь! А сделать-то что-нибудь мы сможем?

— Контракт отработаем, не сомневайся. А чем дело закончится, не скажу, я не бабка-угадка. Слушай, я голодная, как не знаю что. Пообедаю, потом давай, будем совещаться. Все тебе расскажу, как на духу.

— Надюш, поехали в Якиторию... Поговорим без свидетелей.

— Нет, дорогой, я уже сказала, что голодная.

— Не хочешь суши, поедем куда-нибудь, где кормят мясом. Ну, я тебя приглашаю.

Разве против такого устоишь?! Я согласилась. Мы отправились за шашлыками.

Натурально, вместо того, чтобы сначала показать свою работу по питерскому проекту, пришлось обсуждать проблемы «Флоры де Люкс». Неправильно это. Обычно, если у меня есть неприятная новость, я начинаю не с нее. Начинать надо с позитива, особенно с шефом. Ему какое настроение задашь с самого начала, в таком и будет весь день. Питерские дела шли отлично, там было, чем похвастать. А тут такое, что не знаешь, как ноги унести.

Но для демонстрации достижений мне нужен

компьютер, а про Ларису Корн можно и устно рассказать. Шеф это понимает, поэтому даже не попытался спрашивать меня про Питер, а сразу взял быка за рога:

— Ну, что там Валера раскопал?

— Во-первых, подтверждается наш тезис о том, что главбух в связке с коммерческим директором воруют.

— А во вторых?

— Воруют они не просто так. Кто-то копает под фирму, хочет купить ее за бесценок или забрать за долги.

— Долги?

— Три года назад они брали кредит в банке.

— За это время должны были сто раз все выплатить.

— Но не выплатили. Даже не пытались. Проценты — и то не перечисляли. Этот долг им несколько раз реструктурировали, но в сентябре придет время окончательной расплаты. Бухгалтер как будто нарочно все сделал, чтобы платить было нечем.

— Значит, он в сговоре с кредиторами?

— Значит.

— А воровали они...?

— Уводили деньги через схемы обналички. Зарплаты там серые, как сам понимаешь. Обналичивали под такой процент, что выгоднее

было бы платить белые зарплаты плюс все налоги. Ну, и на взятки тоже наличные нужны. Все это отлично видно грамотному человеку. Особенно если есть с чем сравнивать.

— А с чем сравнивали?

— С прошлым и позапрошлым годом. Бизнес-то на самом деле успешный. Для них этот кредит выплатить — тьфу! Могли в первый год рассчитаться. Нет, даже проценты платили не полностью, всего процентов на двадцать. Банк к ним относился сверхлюбяльно: ничего не требовал, кротко все реструктурировал. Доходы были очень и очень приличные. А примерно с прошлого апреля начался увод денег. И за год все, что смогли, увеличи. Теперь Ларису можно брать голыми руками. По бухгалтерии у нее доходы равны издержкам. Это если не считать выплаты по кредиту. А если считать, то она банкрот. Это на поверхности. И неизвестно, что там еще Валера нароет.

— Что бы ты ей посоветовала?

— Пока не знаю. Можно ли что-то вернуть, или денежки пропали бесповоротно? В любом случае, на ее месте я бы фирму продала, пока банк не забрал. Она все равно не может сама бизнес вести, это ей не по плечу.

— Почему ты так думаешь?

— Ты сам знаешь: руководство фирмой потянет не каждый. Один из десяти, если не

меньше. А у девушки, как можно догадаться, и образования-то путевого нет. Дважды два не может сосчитать. Под водительством своего великого любовника Лариса была успешной, у него воровать никто не решится, а осталась одна — стала легкой добычей, — я могла бы долго распинаться на эту тему, но предпочла замолчать. Шеф тоже не захотел продолжить и сменил направление.

— А что банк?

— Пока молчит. У нее срок погашения 23 сентября. Тут-то ее и съедят.

— А нам что делать в этой ситуации?

— Что делать? Аудит делать, как водится. И разнюхивать, кто это ее есть собрался. А то как бы и нас не схарчили. Аудит в любом случае понадобится, будет она продавать или банкротиться. Работа так и так не пропадет.

— Надь, а мне в связи с этим что ты предлагаешь делать?

— Я тебе списочек подготовлю, что ты должен узнать. У тебя ведь есть свои каналы?

Когда будет на руках исчерпывающая информация, сядем и подумаем, что делать, что клиенту советовать, и как самим выпутываться.

— А ты?

— Мне еще с Сергеем Ивановичем их банковские документы надо посмотреть: платежки, извещения, чековую книжку и прочее. Не только по

кредиту, как ты сам понимаешь. Ну, и обычную работу следует проделать. Закупки, продажи, маркетинг, кадровая политика, филиалы — все проанализировать.

— И когда?

— Когда будем готовы? Не знаю. Промежуточный финиш назначаю через две недели. Тогда Ларисе можно будет уже что-то сказать с фактами в руках.

— А финал? Нельзя затягивать, у нас еще Питер на руках, и твоя роль там будет решающей.

— Да не волнуйся так раньше времени. Материалы по Питеру я уже подготовила и передала Вове. Начало положено. Там я особых трудностей не предвижу, просто объем в несколько раз больше того, что мы уже делали. Но давай об этом не сейчас. Для этого разговора мне нужен мой компьютер. Как я поняла, они хотят выйти на московский рынок?

— Хотят. Так что тебе придется сделать обзор московского рынка и указать возможные ниши. Кроме всего прочего.

Я махнула рукой в знак согласия и вгрызлась в огромный кусок жареного мяса. Бесподобно! Пожарено, как я люблю: снаружи поджаристая корочка, внутри кровь. Соус тоже очень вкусный. На некоторое время я выключилась из беседы, наслаждаясь едой.

Андрей тоже занялся питательным процессом и не пытался больше ни о чем спрашивать. Видно, я его немного успокоила.

Покончив с мясом, мы не стали брать кофе, а сразу вернулись в офис. Кофе нам Ирочка сварит.

На работе нас ждали. Валера вытягивал голову из своего отсека. Я скорчила ему рожу, мол, все путем, шеф в курсе. Вова приветственно махал рукой — я махнула ему в ответ. Из своего кабинета вышел Сергей Иванович, бросив там очередного бухгалтера. Волнуется.

Шеф заулыбался и попросил зайти к нему перед уходом. Этим он давал понять, что ничего экстраординарного не происходит. Все нормально, все в порядке, все отлично. Видно, и впрямь я его успокоила.

Остаток дня мы с шефом провели у компьютера. Сперва смотрели Валерины таблицы по «Флоре». Он полностью согласился с моими выводами, записал себе вопросы, которые нужно выяснить, сам задал мне несколько вопросов, до которых я не додумалась. В общем, плодотворно поработали. Потом перешли к питерским материалам. Позвали Вову и проговаривали предстоящую работу часа три. Ну до чего наши мужчины любят все обсуждать на пустом месте! Если бы Володя работал, а не совещался с шефом, то отлично сделал бы все и без обсуждения.

Но наконец они все утрясли, решили все мировые проблемы. Тут и рабочий день закончился. Володя нас покинул, его жена бывает очень недовольна, когда он задерживается в пятницу.

К шефу пришел Сергей Иванович.

— Андрей Викторович, я Вам нужен?

— Сергей Иванович, у нас все в порядке в Вашем департаменте?

— Вроде да, никаких эксцессов за последнее время не было.

— Подумайте, нам понадобятся два опытных бухгалтера на постоянную работу. Вернее, не на постоянную, а на проект. Работать надо будет каждый день. Их придется послать в Питер, возможно, на месяц. Если мы все хорошо сработаем, у них есть шанс попасть в штат. От этого проекта зависит будущее нашей компании.

Ай, молодец наш шеф! Я ему только собиралась об этом сказать, а он уже и сам распорядился.

— Хорошо, я подумаю, кого можно привлечь. Поговорю с людьми. Сколько времени Вы мне даете?

— Две недели. Через две недели надо будет посылать людей в Питер.

— Уложимся.

На этой позитивной ноте шеф закончил рабочую неделю. Мы гурьбой стали спускаться по

лестнице. И тут я вспомнила:

— Шеф, я в августе собираюсь в отпуск.

— С «Флорой» к этому времени закончишь?

— Надеюсь.

— А питерскую программу запустишь?

— Запущу, куда денусь.

— Уедешь или на даче будешь?

— Уеду, обязательно уеду. В Европу с детьми.

— А на сколько собираешься?

— На две недели. Максимум на двадцать дней. У меня еще за прошлый год не все отгуляно.

— На две недели. Это предел.

Тут встрял Сергей Иванович:

— Надежде Николаевне необходимо отдохнуть. Вам, Андрей Викторович, это лучше меня известно. Пусть едет, на сколько хочет. Все равно в августе не работа. Никого нигде нет, все в отпусках, ни одного вопроса решить нельзя. А приедет — как раз все вернутся, и с новыми силами своротит этот питерский проект, — Сергей Иванович локтем подтолкнул шефа.

— Ну, Вы ее всегда защищаете. Ладно, поезжай, на сколько хочешь, но в пределах разумного.

— Вот спасибо, дорогой. Теперь я могу билеты заказывать.

На стоянке мы попрощались и разошлись. Шеф повез Сергея Ивановича, им по пути, а я

поехала одна. Что-то много всего навалилось. Я пыталась сосредоточиться на чем-то одном, но мысли из головы убегали, как зайцы. Ладно, на дороге надо думать о дороге. Тем более, что вечер пятницы — это одна большая пробка. По ней надо проехать без ущерба.

* * *

Когда через два часа я ввалилась в квартиру, мне уже все было «по барабану». От усталости не могла ни есть, ни спать. Хорошо, сын заметил мое состояние, зашептал на ухо Катьке, оба рассосались по своим комнатам и даже музыку выключили.

Я налила себе чай и плюхнулась на диван.

Зазвонил телефон, и Сережа возник в дверном проеме. Он показал мне трубку и сделал большие глаза. Я замахала рукой.

— Мама еще не приехала с работы, — соврал мой честный и правдивый сын.

А потом он вышел на балкон, принес оттуда бутылочку пива и протянул мне. Замечательно. Выпью пива, расслаблюсь и засну. Только откуда оно на балконе? Я вроде не покупала.

Но сил выяснять не было. Ничего, отложим до завтра. Я перелила пиво в пустую кружку из-под чая, выпила, и тут же встала. Надо постелиться, а то так и засну до утра, одетая, на неразобранном

диване.

Минут через десять я залезла под одеяло. Который сейчас час? Еще нет десяти? Ну и фиг с ним, спать очень хочется.

Сквозь сон я слышала звонки, их было немало. И голос то моего сына, то дочери, сообщал: мама уже спит. Потом, почти ночью, на звонок ответила Катька и довольно долго ворковала по-французски. Наверное, Эрик звонил. А потом сон у меня стал глубокий, как дно Мирового океана. Тут звони — не звони, я не слышу.

Утром меня разбудил опять же телефон. Женька спрашивал, когда мы увидимся. И жаловался, что соскучился. Я посмотрела на часы: восемь. Черт, надо было будильник на семь поставить. Тогда в восемь я была бы уже в супермаркете. Там никакому Женьке не достать.

Я пообещала перезвонить, когда вернусь из покупочного рейда, и стала лихорадочно одеваться. Сережка тоже встал и стал собираться. Катька не проснулась. Чайник вскипел, мы выпили по кружке растворимого кофе, и отбыли за покупками.

В супермаркете первым долгом сунулась к банкомату. Деньги пришли! Что-то много, я предполагала получить в этот раз другую сумму. Может, шеф, не дожидаясь окончания квартала, мне проценты перечислил? Надо в понедельник спросить.

На радостях я накупила разных вкусностей.

Когда через два часа мы вернулись, в квартире гудел пылесос. Катюшка начала уборку. Молодец! Я встала к плите, Сережка занялся мытьем удобств... В общем, обычные субботние заботы.

Опять позвонил Женька, на этот раз с претензиями. Давно ли я вернулась из магазина? Давно? А почему не звоню? А я и забыла о том, что ему обещала. Все точно по Фрейду: если не помню, значит, не хочу. Но обижать человека тоже не годится. И я ангельским голосом сказала, что приеду в пять. До пяти и обед сготовлю, и постирушку развесить успею, и ванну приму. Может, еще голову покрасить? Да нет, вроде, еще рановато.

И впрямь, все успела. Даже отдохнула немного. Очень удачно вышло. С утра я выглядела — краше в гроб кладут. А час сна после обеда привел меня в порядок. Женька расцвел, увидев меня, рассыпался в комплиментах. Начал обнимать, целовать...

А когда мы после всего сели есть горячие бутерброды, повел речь о том, что пора бы нам на что-нибудь решиться. Я его слушала вполуха, а сама пыталась придумать, как свернуть разговор с этой темы. Замуж за него не хотелось, а расстаться я пока не готова. Но ничего не приходило в голову.

И я упорно молчала. А Женя все нудил. Его, оказывается, уже все спрашивают, когда мы поженимся. Интересно, кто? Так как я молчала, он завел свою пластинку по второму разу: живописал преимущества совместной жизни, намекая, что мой отказ будет означать окончание отношений. Потом он замолчал, глядя на меня с гордой улыбкой.

Тут пришлось что-то сказать. И я открыла рот и вывалила полную корзину общих мест. Мы уже не мальчик и девочка, очень много сопутствующих вопросов и трудностей, надо обо всем подумать, торопиться некуда. Встречаться — это одно, а создать семью — совсем другое. Сначала надо определить детей, жить с ними — разрушить отношения. Сейчас у меня запарка, я не в состоянии думать о личном. И еще множество сентенций такого же порядка. Общий смысл — отложим решение на потом. Интересно, мужчины тоже все это говорят, когда их женщины заводят речь о свадьбе?

Чтобы утешить Женю, я попутно пару раз погладила его по руке, потерлась о плечо и чмокнула в щеку. Сработало! Он отвлекся. Снова начал меня ласкать, увлек на кровать, и больше вопрос о браке в этот вечер не поднимался.

Домой я вернулась довольно поздно. Катерина болтала по телефону с подругами, Сережка, как всегда, сидел за компом. И оба, увидев меня,

заорали:

— Ну наконец, тут тебе весь телефон оборвали!

— А почему на мобильный не звонили?

— Твой мобильный я никому не даю, — гордо сказала моя дочь, — И потом, ты была на свидании, тебе там только деловых звонков не хватало.

— А кто звонил-то?

— Во-первых, тетя Таня. Но она не в счет. Просто забыла, где ты бываешь по субботам. Потом твой шеф. Еще звонил приятный мужской голос, такой любезный, что, наверное, старичок. Бабушка позвонила раз двадцать. Дима твой тебя искал. И еще были звонки, Сережка брал трубку. Он никого не опознал, кроме бабушки.

Я достала из сумки мобильный и воззрилась на него: так и есть! Отключился. Не мог он разрядиться, значит, я его сама случайно выключила.

Ладно. Маме перезвоню чуть позже, ничего не случится. Димке тоже. Танька сама позвонит ближе к ночи. Листвянского пропускаем. Любезный старичок — это он, вне всякого сомнения. Шеф! Он мне домой звонит только в крайнем случае.

Я набрала шефа.

— Наденька, как жалко, что я тебя не нашел, — пролепетал он заплетающимся языком, — Мы тут на одном мероприятии, и все

просто мечтают с тобой познакомиться. Может, ты приедешь? Хотя уже поздно...

— Андрей, успокойся. Никуда я не поеду, мне спать пора.

— Ну вот, ты всегда так. А мы бы прислали за тобой машину... Тут вот Григорий Константинович тоже присоединяется... Все хотят тебя видеть. Давай, приезжай.

— Нет, — сказала я твердо. Не перевариваю эти тусовки: не совсем трезвые и совсем нетрезвые мужчины, их модельные телки, и я среди них, как дура. Пару раз за эти годы Андрей меня вытаскивал на такие попойки. Делалось это с далеко идущими планами, и всегда я ему всю малину портила. Не так оделась, и на меня все смотрели, как на дикую. Не так пошутила, обидела важного человека. Не позволила пьяному скоту хватать себя за части тела, а он оказался депутатом Государственной Думы. В эти кампании я не вписываюсь, и мое в них участие совершенно лишнее.

— Не надо, Андрей, будет все, как в прошлый раз. Ты потом пожалеешь, что меня позвал, но дело будет бесповоротно испорчено.

— Ладно, тогда большой тебе привет.

Я выключила трубку, не уточняя, от кого этот самый привет. Напрасно я беспокоилась, никакого крайнего случая не было, просто шеф не мог мне дозвониться на мобильный, и позвонил домой.